

Ай-Вай-Де

Далекое путешествие Глэдис Айлвард

Оглавление

1. Маленькая горничная
2. Опасное путешествие
3. Гостиница в горах
4. Восстание заключенных
5. "Девять пенсов"
6. Пир у мандарина
7. Розыск
8. В горы!
9. Дальнее путешествие
10. Возвращение на родину
11. На острове Тайвань

1. Маленькая горничная

Сидя на твердом стуле, Глэдис напряженно ожидала неприятного известия. Она выглядела так, будто аршин проглотила. Напротив нее, за большим письменным столом, сидел пожилой человек с худым удлинненным лицом и добрыми глазами.

- Почему вы не говорите прямо - к чему эти попытки смягчить ситуацию? - резко спросила Глэдис. - Ведь вы собираетесь сказать, что я вам не подхожу?

- Ну... не совсем так. Я уверен, что для тебя найдется подходящее занятие и здесь, в Англии. Послушай, Глэдис, ты могла бы оказать неоценимую помощь в нашей миссионерской работе: скоро из Китая должна возвратиться пожилая миссионерская пара, они нуждаются в уходе. Если я не ошибаюсь, прежде ты работала горничной?

Глэдис чувствовала, что вот-вот расплачется. Но, взяв себя в руки, она сказала:

- Я не согласна на то, чтобы только ухаживать за миссионерами, которые возвратятся из Китая. Я сама хочу поехать в Китай!

Но сразу же смутившись от резкости своих слов, она продолжала более спокойным тоном:

- Поймите меня правильно: все эти экзамены и контрольные - я к ним просто не привыкла! В школьные годы я никогда не была в числе лучших учениц. Да что теперь об этом говорить! Все это я уже рассказывала вам, когда поступала в колледж.

Подавшись вперед, директор миссионерских курсов Центральной Китайской Миссии мягко сказал:

- Глэдис, я знаю, что это большое разочарование для тебя. Но послушай, тебе уже 26 лет...

- Да, да, я знаю, и к тому же мой рост всего 1 метр 55 сантиметров...

Справившись с подступившими слезами, она продолжала:

- Когда я училась в школе, мой отец работал почтальоном, и мы жили очень бедно. Возвратившись из школы, мне приходилось смотреть за младшими братьями и сестрами. Дома у меня никогда не было времени по-настоящему заняться уроками, да я и не придавала этому особого значения: в конце концов, я собиралась стать прислугой. Но потом я поняла, как я уже рассказывала вам, что Бог призывает меня в Китай. Я никак не могу избавиться от этого чувства! Если Бог не хочет, чтоб я ехала в Китай, почему мысли об этой стране постоянно преследуют меня?

- Я не знаю, Глэдис. Мы пытались помочь тебе, как могли, приняв в колледж с трехмесячным испытательным сроком. Этот срок прошел, пора принимать какое-то решение. Нас тревожит не только то, как ты сдала экзамены. Пойми, Глэдис, если ты останешься здесь на три года, чтоб пройти обязательный трехгодичный курс, то перед отъездом в Китай тебе будет уже тридцать лет. А после тридцати ты вряд ли сможешь выучить китайский язык - вот в чем беда! Пойми сама, мы не можем держать тебя здесь, если...

Он остановился, подыскивая нужные слова, но Глэдис закончила за него:

- ... если, попав в Китай, я ничего не смогу там сделать. Что ж, вы правы, - печально улыбнулась она. - Безусловно, вы сделали для меня все возможное, и я вам очень признательна.

Когда она встала, чтоб уйти, директор спросил:

- Чем ты собираешься теперь заняться?

- Не знаю, - ответила девушка.

Но когда Глэдис Айлвард вышла на улицу, на ее лице появилось решительное выражение, и она сказала вполголоса: "Хотя я действительно не имею ни малейшего понятия, чем займусь в ближайшие дни, но зато хорошо знаю, что буду делать в будущем - я поеду в Китай!"

* * *

С одной стороны казалось, что директор миссии действительно прав. Глэдис необходимо было смириться с этим: разве могла простая лондонская девушка без особого образования рассчитывать на то, что ее примет какое-либо миссионерское общество, если даже Центральная Китайская Миссия, на которую она так надеялась, отказала ей?

Какое-то время Глэдис пыталась заняться благотворительной деятельностью в доках Кардиффа, но грубые и вечно пьяные моряки только насмеялись над ней. Не оставалось никаких сомнений в том, что миссионерки из нее не получится. А сдать экзамены, чтобы поступить учиться на медсестру, было недостижимой мечтой. Так что, видимо, все они правы, и ей нужно снова идти в прислугу.

В агентстве по трудоустройству ей дали адрес, и Глэдис разыскала большой дом, принадлежавший известному исследователю Франсису Янгхисбенду, куда ее приняли горничной. Новый хозяин Глэдис сам в прошлом не раз пересек Китай вдоль и поперек. Но он был бы очень удивлен, если бы увидел, что сделала эта неудавшаяся миссионерка, распаковав в чердачной комнате его дома свою дорожную сумку. Достав из сумки Библию, Глэдис положила ее на стоявший рядом с кроватью столик. Потом она вынула кошелек и

проверила его содержимое. Там было три монеты: пенс, еще один пенс и полпенса. Глэдис положила монеты на Библию. "Господь, - сказала она, - вот моя Библия. Вот все мои деньги! И вот я сама - употреби меня для служения в Китае!"

Через час у Глэдис уже было три шиллинга и два с половиной пенса, потому что экономка возвратила ей деньги, истраченные на дорогу. Глэдис со счастливой улыбкой положила и эти деньги на свою Библию. Если бы кто-то начал расспрашивать Глэдис о Китае, она вряд ли могла бы много рассказать об этой стране. Глэдис не знала даже, в какую часть Китая она хотела бы попасть. Но ее беспокоили судьбы людей, которые ничего не слышали об Иисусе Христе, и она хотела рассказать китайцам о Спасителе.

Что же касалось изучения языка... При одной мысли об этом с ее лица исчезла улыбка. Неужели настанет день, когда она сможет понять значение этих странных витиеватых иероглифов китайского алфавита или сумеет прочесть строчку сверху вниз, а не слева направо? "Но если я буду постоянно жить среди людей, которые общаются на этом языке, то, в конце концов, начну понимать, о чем они говорят", - решила она. Время шло, и Глэдис перестала переживать о своем будущем, направив все усилия на то, чтобы скопить достаточно денег на билет в Китай (хотя она не имела ни малейшего представления, сколько стоит билет).

* * *

Вскоре выяснилось и это. В Лондоне на Сенном рынке располагалось бюро путешествий. Глэдис зашла туда и спросила у стоявшего за стойкой служащего, сколько стоит билет в Китай.

- Билет в Китай, мадам? - Он с удивлением посмотрел на бедно одетую женщину. - Вы хотели бы купить билет прямо сейчас?

- Нет! - испуганно ответила Глэдис, крепко сжав в руке свои три фунта стерлингов. - Я только хотела узнать, сколько стоит билет.

- Девяносто фунтов стерлингов в одну сторону, мадам.

Глэдис показало, что она сейчас упадет.

- А есть ли что-нибудь подешевле?

- В принципе, нет. Это цена проезда на корабле. - Он запнулся. - Правда, можно еще проехать поездом через Россию, через всю Сибирь, и такой билет стоит в два раза дешевле.

Лицо Глэдис оживилось, а служащий продолжал:

- Но боюсь, что вы не сможете добраться до Китая этим путем. Видите ли, сейчас между Китаем и Россией идет война.

Глэдис хотела объяснить, что она не боится войны, но услышала:

- Я не думаю, что сейчас они берут пассажиров. Дело в том, что большие участки железной дороги разрушены, и, вероятно, пройдут годы, прежде чем их восстановят.

Глэдис заметно повеселела:

- Замечательно! Пока я смогу поехать, пройдут годы, и может, к тому времени война уже закончится. Я хочу быть миссионеркой и пока только собираю деньги на дорогу. Я хотела бы еженедельно вносить в вашу контору небольшую сумму для покупки билета.

Служащий заколебался.

- Обычно мы этого не делаем, - сказал он.

- Ну, так что?! Для меня вы можете сделать исключение! Ведь намного лучше, если деньги на билет будут храниться у вас, а не в ящике моего комода. Пожалуйста, возьмите три фунта - это мой первый взнос.

Увидев выражение лица служащего, Глэдис поспешно добавила:

- Я отлично понимаю, что это только начало, и мне нужно будет доложить еще сорок четыре фунта и десять шиллингов!

Выйдя из бюро путешествий, Глэдис чувствовала себя так, будто уже была на пути в Китай. Зная о решительности ее намерений, друзья рассказали Глэдис о миссионерке Дженни Ловсон, и после этого Глэдис вообще перестала тревожиться о своем будущем. Госпожа Ловсон самостоятельно вела миссионерскую работу в одной из центральных провинций Китая. В последнем письме друзьям она писала, что стареет, теряет силы и очень нуждается в помощи. Глэдис сразу же написала ей о своих намерениях.

Прошло несколько месяцев, и вот однажды в большой дом на площади Белгрэив почтальон принес письмо, адресованное Глэдис Айлвард. Другие горничные, из-за увлечения Глэдис Китаем, считали ее немного странной. Но когда все увидели конверт с необычной китайской маркой, мнение о ней изменилось.

Письмо от госпожи Ловсон было предельно конкретным и кратким: она писала, что действительно очень нуждается в помощи, и потому рада была узнать о намерениях Глэдис, и что если Глэдис сможет самостоятельно добраться до города Тяньцзинь, то она вышлет навстречу посыльного, который доведет ее до места.

Глэдис множество раз перечитывала это письмо, в котором слова "добраться до Тяньцзинь" звучали так обыденно, будто речь шла о поездке в пригородном поезде в один из поселков на окраине Лондона. Глэдис с трудом разыскала Тяньцзинь на карте Азии, висевшей в ее комнате. Когда она прикоснулась пальцем к месту с этим названием, то подумала, что для того, чтобы добраться до Тяньцзинь, нужно преодолеть громадное расстояние в тысячи километров, и после этого она, возможно, никогда больше не увидит своих родителей и дом, в котором выросла.

Несмотря на то, что Глэдис не упускала любой возможности заработать или сэкономить деньги, - она работала по выходным, прислуживала на больших банкетах и всегда ходила пешком, стараясь не тратить денег на транспорт, - до сих пор еще не набралось суммы, необходимой для покупки билета. Но если бы у Глэдис даже и были сорок семь фунтов стерлингов и десять шиллингов, то, как собрать деньги на обратный путь? Допустим, она каким-то образом сумеет добраться до Китая, но если там что-то произойдет с таинственной госпожой Ловсон, Глэдис останется совсем одна. И что тогда? Единственный выход - научиться говорить по-китайски, хотя преподаватели колледжа и уверены, что ей никогда не осилить этот сложный язык.

Глэдис устало опустилась на единственный стул в своей каморке. "А может, я и в самом деле не совсем нормальная? - с тревогой подумала она. - И потому только так рвусь в Китай, что это кажется невозможным? Но, с другой стороны, что если Бог действительно приготовил для меня труд в Китае?"

2. Опасное путешествие

"Глэдис, ты уверена, что ничего не забыла?" - с тревогой спрашивала мать. Все выглядело так, будто отец, мать и сестра провожали ее в обычный отпуск - подобные сцены можно было постоянно наблюдать на лондонском вокзале. Но в то субботнее утро на вокзале вряд ли был другой пассажир, который отправлялся бы в такую же дальнюю дорогу, как эта просто одетая молодая женщина. Когда поезд начал медленно отдаляться от платформы в направлении Харвика - гавани, из которой уходили корабли в Голландию - она продолжала махать рукой оставшимся на перроне родственникам.

Вряд ли кого-то еще из пассажиров ожидали такие невероятные приключения, как ее, а также никто не мог сравниться с ней в количестве багажа. Глэдис везла с собой два больших чемодана: в одном была одежда, в другом - банки с супом и тушеной фасолью, вареные яйца, печенье, кофе, кексы. К чемоданной ручке были привязаны чайник и кастрюля. Рядом, на полке, стояла небольшая плитка. Под одеждой в чемодане лежали Библия, билеты, паспорт, бумага и ручка. В кошельке оставалось еще девять пенсов.

"Наконец-то отправились! - сказала Глэдис, обращаясь к сидевшим рядом с ней пассажирам, когда поезд стал набирать скорость. - Трудно предугадать, что может пригодиться мне в этой долгой дороге - я еду в Китай!"

Это произошло 18 октября 1930 года. Когда Северное море осталось позади, Глэдис пересела в Гааге в поезд, в котором ей предстояло пересечь Голландию, Германию, Польшу, Россию и Маньчжурию.

"За сколько дней можно добраться до Китая?" - спросила Глэдис у проводника. Он посмотрел на нее так, будто не поверил своим ушам. "За 14 дней", - сказал он, наконец, пожав плечами. "Две недели!" - Глэдис посмотрела на свой чемодан, прикидывая, на какой срок ей удастся растянуть пищевые запасы. "Но вы туда не доедете, - продолжал проводник, - там идет война! Вас задержат в России, вы не сумеете добраться до Китая!" Затем он пробил ее билет, еще раз удивленно глянул на нее и прошел дальше.

* * *

Поездка была долгой и утомительной. Через неделю выехавший из Гааги поезд подошел к перрону Московского вокзала. А спустя десять дней Глэдис уже пересекала бескрайние просторы Сибири. Чтобы согреться, Глэдис не снимала с себя плед, сшитого из старого мехового пальто, которое кто-то подарил ее матери. Еда из чемодана быстро убывала, на станциях вместо воды в ведрах был лед, и она не могла даже сварить себе кофе. Куда ни глянь - в любом направлении простирались глубокие снега.

В Чите у Глэдис была пересадка. Там она показала милиционерам свой паспорт и Библию. Увидев в паспорте Глэдис слово "миссионерка", милиционеры переглянулись и после короткого спора - Глэдис не понимала, о чем они спорили - принесли ей новый билет и посадили на поезд.

"Никольск-Уссурийский, - крикнул ей милиционер. - Пограничная!" Глэдис недоуменно пожала плечами: она не поняла, что ей сказали. Только после того, как милиционеры наперебой стали повторять те же самые слова, указывая пальцем на висящее на стене расписание, она сообразила, что они говорили о названии станций, мимо которых будет проходить поезд. Чтобы добраться до места назначения, на следующей станции она должна была пересесть в другой поезд. Глэдис не имела понятия, сколько времени поезд будет ехать до станции с таким трудным названием. Прибыв на нужную станцию, она также не поняла, что нужно выходить, пока солдат не вытащил на платформу ее чемоданы.

Начинало темнеть. Никто не обращал на нее внимания, и Глэдис подумала, что за ночь она превратится в сосульку и умрет от холода. К рассвету она так сильно замерзла, что совсем не могла двигаться, но, собравшись с силами, все же добрела до какой-то государственной конторы, находившейся рядом с вокзалом. Огромного роста мужчины с длинными бородами, увидев Глэдис, с любопытством рассматривали ее. Они громко смеялись, отпуская в ее адрес какие-то шутки, но ни один из них не предложил ей помощи. Тогда Глэдис показала им свой паспорт, билеты и свою Библию.

Они только пожимали плечами. "Английский - нет!" - выкрикнул один из них и отвернулся. Вдруг Глэдис осенило: она вытащила из внутреннего кармана пальто фотографию своего брата, одетого в парадную форму барабанщика британской армии. Это помогло: мужчины столпились вокруг нее, рассматривая фотографию, обмениваясь мнениями, и перекрикивая друг друга. В это время к платформе подошел поезд, и Глэдис, все еще держа в руках фотографию, оказалась в вагоне. Следом за ней забросили ее вещи. Она весело рассмеялась: "Видимо, эти бородачи подумали, что я - сестра генерала!"

Она села на твердую полку, и когда поезд прибыл на конечную станцию, увидела на здании вокзала вывеску "Владивосток". Вдали виднелись мачты кораблей, и Глэдис сразу поняла, что это портовый город. Ей хотелось кричать от радости, и она тут же вознесла молитву благодарности: хотя до Китая было еще далеко, но рядом было море, а это означало, что она пересекла Азию. Где-то там, вдоль побережья, был Китай!

* * *

Вскоре Глэдис поняла, что даже находясь сравнительно недалеко от Китая, добраться туда будет не так-то просто. Когда день подошел к концу, она вообще потеряла уверенность, что когда-нибудь попадет туда. Ее привели в гостиницу, в неопрятное здание с некрашеными стенами и грязными полами. Там к ней подошел человек подозрительного вида и потребовал предъявить документы. Взяв у нее из рук паспорт, он положил его к себе в карман и ушел.

На следующий день он снова зашел в комнату с ее паспортом в руках. Раскрыв паспорт, и указав на графу профессия, где было записано "missionary" - миссионерка, - он сказал:

- Почему вы настаиваете на том, чтобы ехать в Китай? Оставайтесь здесь! У нас в России тоже есть машины и разная техника, и нам нужны опытные машинисты.

- Но в моем паспорте ничего не сказано о том, что моя профессия - машинист! Я - миссионерка! - пыталась объяснить Глэдис.

- Не пытайтесь возражать! Вы останетесь в России и будете работать машинистом, - категорично заявил представитель власти.

Спорить было бесполезно. Напуганная тем, что ее арестуют и оставят в России работать на заводе, Глэдис после его ухода закрылась в своей комнате. На следующий день работник НКВД снова постучал к ней в дверь. Не сказав ни слова, он швырнул ее паспорт на пол и ушел. Глэдис не знала, чего ожидать: она была так напугана, что боялась даже выйти из комнаты.

Проголодавшись к концу дня, она все же выскользнула из гостиницы и отправилась искать булочную. На одной из улиц ее неожиданно догнала незнакомая девушка и прошептала по-английски: "Сегодня вечером, когда стемнеет, я найду за тобой. Я постучу в твою дверь". Глэдис резко обернулась, но незнакомка быстро прошептала: "Не оглядывайся! Делай вид, будто ничего не произошло. Я хочу тебе помочь!" Не сказав больше ни слова, незнакомка прошла мимо нее и скрылась за поворотом. Глэдис не понимала, что происходит: откуда эта девушка знает ее? Где она выучила английский язык? Можно ли ей доверять?

Вечером, услышав стук в дверь, Глэдис открыла и увидела ту же самую девушку. "Скорее, скорее! Пойдем!" - торопила ее незнакомка. Они быстро спустились по шаткой лестнице, прошли мимо сапущей дежурной и вышли на темную улицу. Было очень холодно. Не горел ни один уличный фонарь, в редких домах виднелся свет. То и дело спотыкаясь, Глэдис шла следом за своей проводницей по узким улочкам и переулкам. Воздух становился свежее и прохладнее. Послышались всплески волн и лязг цепей. Когда они остановились, Глэдис увидела, что доки совсем рядом.

Указывая на темные очертания стоявшего поблизости корабля, девушка сказала: "Это японский корабль, на рассвете он уходит в море. Капитан войдет в твое положение: я уверена, что как только он узнает, что ты англичанка, он не станет задавать никаких вопросов".

Глэдис хотелось как-то ее отблагодарить. Было ясно, что помогая ей, девушка подвергала себя опасности. Крепко пожав ей руку, Глэдис сказала: "Извини, у меня нет денег..." Девушка улыбнулась: "Ничего, я не ради денег хотела тебе помочь. Я боялась, что ты попадешь в тюрьму". Потом она нерешительно спросила: "Послушай, а у тебя не найдется какой-нибудь запасной одежды? Здесь очень трудно найти одежду".

Убегая из гостиницы под покровом темноты, Глэдис оставила в номере все свои вещи: чемоданы с одеждой, чайник, плитку. Она не взяла даже смены белья - все, чем она отныне обладала, было на ней. "Одежда осталась в моей комнате. Если хочешь, можешь пойти туда и взять себе все мои вещи". Девушка отрицательно покачала головой: "Что ты! Ни в коем случае! Если они узнают, что это я помогла тебе скрыться, меня арестуют, и я попаду в тюрьму вместо тебя!"

И тут Глэдис вспомнила, что перед уходом из гостиницы сунула в карман пару шерстяных чулок. Достав их, а также стянув с рук шерстяные перчатки, она протянула все это девушке и сказала: "Тогда возьми хоть это!" Девушка бережно, как настоящую драгоценность, взяла вещи и положила в сумку. Указав на небольшое строение на берегу, она сказала: "Скорее всего, там ты найдешь капитана". После этого она быстро повернулась и исчезла в темноте. Глэдис услышала только звуки удалявшихся шагов.

* * *

Оставшись одна, Глэдис стала думать, как поступить дальше. Было очень темно, и она вряд ли смогла бы найти дорогу обратно в гостиницу. Так как у нее не было денег, она сомневалась, согласится ли капитан взять ее без платы. Подойдя к самой воде, она увидела

тонкую полоску света под дверью помещения, на которое ей указала девушка. Открыв дверь, она оказалась в пустой комнате, где стояли только стул и стол, за которым сидел моряк-японец и разбирал какие-то бумаги. На нем была синяя форма с золотым кантом вдоль обшлагов. Он с удивлением смотрел на неожиданную посетительницу.

- Я вас слушаю, - наконец сказал он.

- Мне нужно добраться до Японии, - начала Глэдис.

- А у вас есть деньги, чтобы оплатить проезд? - перебил капитан.

Глэдис отрицательно покачала головой.

- У меня ничего нет: ни денег, ни драгоценностей. Я вынуждена бежать - если я останусь здесь, меня посадят в тюрьму.

Казалось, офицер начинал проникаться сочувствием к ней.

- Вы англичанка? - спросил он.

Когда Глэдис утвердительно кивнула, он поинтересовался, есть ли у нее паспорт. (Какая удача, что ей возвратили документы!)

Открыв паспорт, офицер стал его внимательно изучать.

- Миссионерка? Британская гражданка? Мы обязаны вам помочь!

Капитан провел ее по лестнице к небольшому трапу, ведущему на палубу корабля. "Я позабочусь о том, чтобы вы благополучно добрались до Японии", - сказал он.

Через три дня Глэдис уже была в Японии. Чиновник Британского посольства вначале не знал, что с ней делать. Потом купил ей билет до портового города Кобе, объяснив, что там она найдет миссионеров, которые помогут ей добраться до Китая. Когда чиновник посадил Глэдис в поезд, ей показалось, что он рад поскорее избавиться от нее.

Процаясь с добрым молодым капитаном, она не могла ничем отблагодарить его, кроме сердечного "спасибо". В последующие годы, когда ей много раз пришлось испытать жестокость и бесчеловечность со стороны японцев, Глэдис никогда не забывала капитана японского судна, который спас ей жизнь во время трудного путешествия через Россию в Китай.

Чиновник оказался прав: в Кобе Глэдис нашла миссионеров и опять могла общаться с соотечественниками на своем родном языке. Миссионеры накормили ее, обеспечили ночлегом и даже предложили принять ванну, чему Глэдис была особенно рада, так как ей казалось, что прошли не недели, а годы с тех пор, как она в последний раз мылась в ванной. Тогда она еще не знала, что ей придется месяцами жить в грязи и нищете, а главное - что очень долго она не будет слышать родной речи и почти совсем забудет ее звучание.

3. Гостиница в горах

После опасного путешествия по России Глэдис была особенно благодарна Богу за возможность провести несколько дней в кругу миссионеров из Англии, живших в Кобе. Затем из Японии ее морем отправили в Китай, а с побережья она поездом добралась до города Тяньцзинь. После нескольких дней, проведенных с миссионеркой госпожой Смит, ей предстояла последняя часть пути до городка, где жила Дженни Ловсон.

- Как можно путешествовать в такой одежде?! - с огорчением спросила Глэдис у госпожи Смит, рассматривая свое запыхавшееся и покрытое пятнами платье. - Но это все, что у меня есть!

Госпожа Смит рассмеялась, видя ее озабоченное ЛИЦО:

- Моя дорогая Глэдис, для встречи с Дженни Ловсон эта одежда не просто хорошая, но даже слишком роскошная, - успокоила она.

- Всякий, кто встретит тебя в дороге, подумает, что ты очень богатая женщина, и тут же попытается обворовать. Местные жители очень бедные. Не переживай: снимай свое платье и переоденься вот в эту местную одежду.

Она протянула Глэдис синие шаровары и блузу. Увидев такой необычный наряд, Глэдис рассмеялась: "В этой одежде я буду выглядеть крайне нелепо!"

Пожилая миссионерка объяснила: "Так как ты будешь жить в провинции, а не в большом городе, этот наряд ты не снимешь до тех пор, пока не уедешь из Китая. Чтобы сблизиться с людьми и помочь им, тебе придется общаться с ними на китайском языке, одеваться так же, как они, и даже привыкнуть думать по-китайски. В горных районах, где ты будешь работать, многие люди никогда не видели европейцев. Даже если ты будешь одета, как они, то и тогда один только вид твоей розовой кожи испугает их".

Миссионерка предложила Глэдис переодеться в синий наряд, добавив: "Через несколько минут ты отправишься в дорогу. После двух дней путешествия на осле тебя вряд ли будет заботить, как ты одета - ты будешь мечтать только о том, чтобы поездка скорее подошла к концу. А теперь переоденься, и мы посмотрим, сойдешь ли ты за китаянку!" Через несколько минут, надев китайский наряд, Глэдис наконец-то до конца осознала, что находится в Китае.

Госпожа Смит также нашла нужным предупредить Глэдис, что с пожилой миссионеркой будет не так-то просто ужиться: "Дженни Ловсон отличается решительным характером, и если что-то задумает, то никогда не отступает от намеченного курса! Но при всем этом она замечательный человек, Глэдис! Преданная Богу и очень жертвенная, да иначе и быть не может, раз она согласилась жить в таком отдаленном и заброшенном городке, как Янченг!"

* * *

Через два дня Глэдис увидела городок, в котором ей теперь предстояло жить - он был, как бы подвешен между суровыми горами. Обнесенный толстыми стенами и высокими башнями, Янченг напоминал крепость, надежно защищенную от врагов и грабителей. Тысячелетиями Янченг, как страж, стоял на длинном торговом пути между Востоком и Западом, предлагая отдых и кров погонщикам ослов, перевозившим товары во всех направлениях. Обеспечивая пищей и ночлегом путешественников и их вьючных животных, Янченг быстро разрастался. Узкие переулки и просторные базарные площади всегда были заполнены людьми. Местный мандарин или мэр города, был известен всей округе. [Мандарин - крупный чиновник в дореволюционном Китае (Ожегов, "Словарь русского языка")]. В отдаленных провинциях употребление этого устаревшего термина сохранилось и в более поздний период (прим. пер.)

Глэдис въехала в Янченг через Восточные ворота, пристально всматриваясь в людей, среди которых ей предстояло жить: в суетливой серой толпе крестьян выделялись несколько нарядных женщин в ярких одеждах, а также священники в желтых и пурпурных накидках. И везде, куда ни глянь: множество детей и ослов.

Погонщик остановился у небольшого дома и пронзительно закричал. Дверь открыла седая женщина в синей блузе и шароварах. Глэдис спустилась с осла в надежде услышать приветственные слова в сопровождении теплой улыбки. Но ничего подобного не произошло - седая женщина молча, внимательно рассматривала ее.

- Кто ты?

- Меня зовут Глэдис Айлвард.

- А, так это ты? Проходи!

Госпожа Ловсон провела ее в темную прихожую. Затем она что-то крикнула в закрытую дверь, из-за которой сразу же показался беззубый старик. Дженни Ловсон что-то сказала ему непонятной скороговоркой, и он поклонился, широко улыбнулся и снова скрылся за дверью.

- Это повар, его зовут Янг, - объяснила Дженни. - А теперь, пока ты будешь есть, расскажи мне о себе. После этого сходишь забрать свой багаж - кажется, у тебя, его немного. Надеюсь, что ты крепкая и выносливая.

Съев поставленные перед ней клежки с овощами, Глэдис пошла за своим багажом. Через короткое время она возвратилась, чуть не плача: ее синий наряд был забрызган грязью. "Дженни, дети кричали на меня, кричали без умолку, а женщины бросали в меня комья грязи!" Глэдис попыталась воспроизвести звучание китайских слов, которые она услышала.

Дженни объяснила: "Они называли тебя заморским дьяволом. Да, Глэдис, они боятся и ненавидят нас. Китайцы убеждены, что и я дьявол, потому что у меня светлые волосы. До того, как я приехала в Янченг, они никогда не видели европейцев. Хорошо, что у нас есть старый Янг - когда они, наконец, убедятся, что мы его не съели, то поймут, что мы не желаем им зла, и постепенно привыкнут к нам!"

* * *

Проходили дни и недели, время тянулось очень медленно. Понемногу Глэдис освоилась с мыслью, что теперь будет видеть только китайские лица. При помощи старого Янга она выучила много слов: названия предметов в доме и на улице. Большим облегчением было и то, что изменилось отношение местного населения: на лицах китайцев уже не появлялось выражение ужаса при встрече с Глэдис или Дженни. Жители Янченга перестали оскорблять их, и они могли свободно ходить по улицам.

- Но мы совсем не занимаемся миссионерской работой, - говорила Глэдис. - Я не могу свидетельствовать, не зная их языка! Мне трудно даже купить немного риса или муки в лавке, они меня совершенно не понимают! Когда я к ним обращаюсь, они не слушают!

Дженни молчала, и Глэдис показалось, что она тоже не слушает ее.

- И вообще, что можно здесь сделать, если большинство людей в этом городе - приезжие? Они привозят свой груз на ослах, одну или две ночи проводят на постоялом дворе, а снова едут дальше.

Раздраженная тем, что Дженни все еще молчит и, видимо, думает о чем-то своем, Глэдис остановилась. Но потом добавила:

- Вот если бы сделать так, чтоб они сидели и слушали, тогда мы могли бы им что-то рассказать!

Наконец, Дженни повернулась к ней и с улыбкой сказала:

- Глэдис, ты права! Ты очень правильно все подметила!

- Что вы имеете в виду?

- А вот что: для того, чтоб общаться с ними, их сначала нужно как-то собрать вместе. А для этого мы должны открыть постоялый двор!

Глэдис посмотрела на Дженни с удивлением:

- Нам? Открыть постоялый двор?!

- А почему бы и нет? Мы будем брать за постой меньше, чем на других постоялых дворах, чтобы путешественники рискнули останавливаться у "заморских дьяволов". Мы будем их хорошо кормить. Правда, у нас не будет никакой прибыли, но это не страшно. А то, что погонщики услышат от нас, они расскажут каждому встречному. Послушай, Глэдис, да это же замечательный план!

Глэдис не переставала удивляться такой странной идее. А Дженни побежала на кухню, чтобы рассказать о своем замысле повару Янгу. После детальных обсуждений, сколько людей они в состоянии будут разместить, а также, сколько риса и муки им понадобится в день, чтобы накормить постояльцев, они разработали ближайший план действий.

- У постоялого двора должно быть название, - заметила Глэдис.

- Я уже думала об этом, - сказала Дженни. - Он будет называться "Гостиница восьмого счастья". Не спрашивай у меня, что это значит, мне просто нравится, как это звучит!

* * *

Через несколько дней постоялый двор был готов к приему гостей. Из кухни Янга на улицу доносились приятные запахи хорошо приготовленной пищи, у входа висела новая вывеска. Но постояльцы не шли.

- Глэдис, тебе придется выйти на улицу и звать людей, - сказала Дженни. - Янг занят кухней, а мои светлые волосы их только распугают. Заучи эти слова: "Майо бича, тайо чудсо... хоу, хоу, хоу... яй, яй, яй..."

- А что это означает?

- Эти слова означают: "У нас нет никаких насекомых, нет блох... Хорошо, хорошо, хорошо... Заходите, заходите, заходите..." - Выйди на улицу и начинай выкрикивать.

Однако из этой затеи ничего не вышло. Потому ли, что Глэдис плохо выговаривала китайские слова, или ее внешность отпугивала людей, но хотя она простояла за воротами целый день, никто не пришел на их постоялый двор.

- В таком случае, нам придется действовать более решительно, - заявила Дженни. - Нужно подождать, пока первый осел поравняется с воротами, а потом выскочить, схватить его за упряжь и втащить во двор. Остальные последуют за ним.

- Но кто же, если не секрет, будет это делать? - спросила Глэдис.

Дженни бросила в ее сторону суровый ВЗГЛЯД:

- Конечно, ты! Кто же еще? Я для этого слишком стара. А если ты отказываешься помогать на постоялом дворе, то можешь хоть сейчас возвращаться в Англию!

Глэдис не раз уже пришлось убедиться, что решительность Дженни беспредельна. Ослушаться ее было невозможно: то, что Дженни задумала, нужно было любой ценой осуществить! А, кроме того, до Лондона - десять тысяч километров!

Глэдис вышла во двор и стала у ворот в ожидании первого осла. Когда осел поравнялся с воротами, Глэдис, как тигрица, прыгнула на него, схватила за упряжь и потащила во двор. Погонщик ничего не мог поделать, так как непредусмотрительно намотал вожжи себе на руки. Он в ужасе разразился градом ругательств, а потом побежал вон со двора, присоединившись к своим товарищам, которые пустились наутек, бросив своих ослов.

- Что же мы теперь будем делать? - возмущенно спросила Глэдис. Она была напугана и сердита не меньше погонщиков. - Вот так! Теперь на нашем иждивении полдюжины ослов и ни одного постояльца!

- Неужели ты думаешь, что погонщики не возвратятся за своими ослами, а оставят их нам? Как бы ни так! Но животных мы не отдадим до тех пор, пока погонщики не отдохнут и не пообедают у нас. Давай пошлем за ними Янга.

Дженни позвала старика.

- Пойди и разыщи их. И скажи, что у нас хорошая пища, дешевый ночлег, чистые полы и что мы рассказываем своим гостям интересные истории. Вот увидишь, они возвратятся!

К большому удивлению Глэдис, Янг успешно справился со своей миссией. Все еще дрожа от страха, погонщики друг за другом с опаской приблизились к постоялому двору, а потом вошли внутрь. Получив большие порции пищи, они удовлетворенно кивали: еда была вкусной, и ее было много.

- Но когда же мы услышим истории, которые вы обещали рассказать? - спросил вожак каравана.

Дженни села на пол и начала свой рассказ. Китайцы вообще были большими любителями послушать, а история миссионерки особенно заинтересовала их. Все было так ново: она рассказывала о человеке по имени Иисус, о котором погонщики никогда еще не слышали. Когда она кончила, многие стали задавать вопросы. Утром погонщики разъехались сытые, отдохнувшие и довольные. Следуя старой китайской традиции, они вежливо кланялись двум "заморским дьяволам", приговаривая: "Хорошо! Очень хорошо! Все хорошо! Но особенно ваши истории!"

- Тогда расскажите другим о том, что вы услышали, - напутствовала Дженни.

Они снова кланялись:

- Да, конечно, мы перескажем их своим друзьям. Теперь повсюду будут говорить о "Гостинице восьмого счастья".

Так был открыт их постоянный двор.

* * *

Время шло, Дженни и Глэдис приходилось много работать. Обе они отличались трудолюбием, мужеством и упорством. Глэдис намерена была остаться в Янченге и поэтому усиленно учила китайский язык - другого выхода не было. И хотя язык был трудный, но не в такой степени, как ей казалось вначале. А если человек вынужден общаться с окружающими, то постепенно он начинает говорить на их языке.

Постояльный двор был постоянно переполнен: слухи о нем передавались от одного погонщика к другому, из одного селения в следующее. Жители Янченга по-прежнему не здоровались с Дженни и Глэдис, когда встречали их на улице или на рынке, но стали относиться к ним гораздо доброжелательнее, ненависть исчезла.

У Глэдис появилось новое переживание: Дженни Ловсон заметно старела, у нее постоянно был усталый и нездоровый вид. Порой Глэдис начинала думать о том, что будет с ней, если вдруг Дженни умрет. Сможет ли она остаться в Янченге одна?

Однажды, когда Глэдис не было дома, Дженни упала: сломался балкон, и она упала прямо во двор. Вначале казалось, что ее состояние не внушает опасений: она дождалась Глэдис и смогла поговорить с ней. Но скоро стало ясно, что долго она не проживет: после многих лет трудной жизни в Китае организм ее был слишком слаб, чтобы оправиться после падения. Дженни Ловсон вскоре умерла среди народа, которому посвятила всю свою жизнь.

Глэдис Айлвард осталась одна: после смерти Дженни она была единственной англичанкой, живущей в самом сердце Китая.

4. Восстание заключенных

"Ты должна пойти к мандарину!" - настойчиво твердил Янг, шаркая ногами. Он никак не мог смириться с тем, что Глэдис посмела отклонить его разумное предложение - ведь мандарин был мэром, судьей и, вообще, самым главным правителем в Янченге, и по его приказу могли посадить в тюрьму, выслать из города и даже казнить. Янг напомнил Глэдис, что мэр, если захочет, может закрыть постоянный двор! Он может даже арестовать ее за то, что миссионерка не оказывает ему должного уважения - а это было бы особенно нежелательно теперь, когда "Гостиница восьмого счастья" превратилась в настоящий миссионерский центр.

- Но я его никогда в глаза не видела и не представляю, о чем с ним говорить!

Янг снова зашаркал ногами.

- Ты зайдешь, поклонись ему, и... и...

Он остановился, потому что и сам не знал, что же все-таки Глэдис должна сказать мэру. Янг был всего лишь бедным поваром, за всю жизнь ему самому ни разу не пришлось говорить с мандарином.

- Вот что, я пойду и развзнаю, что ты должна будешь ему сказать. Ведь после смерти госпожи Ловсон ты руководишь миссией и обязана пойти и отдать дань уважения мандарину!

День уже подходил к концу, Янг давно вернулся домой, но по какой-то причине больше не касался этой темы. Тогда Глэдис сама возвратилась к утреннему разговору:

- Янг, так что же я должна буду сказать мандарину?

Глэдис показалось, что ее вопрос удивил Янга. Наконец он сказал:

- Я ходил в ямен (приемную мандарина) и там мне сказали, что мандарин не принимает женщин. Тебе не нужно туда идти.

Не прибавив больше ни слова, он вышел на кухню, а Глэдис с облегчением вздохнула.

* * *

Через несколько дней Янг вбежал во двор страшно взволнованный, он почти лишился дара речи от возбуждения. Когда он, наконец, заговорил, Глэдис не поверила своим ушам.

- Мандарин идет! - объявил Янг.

- Куда он идет?

- Сюда, к нам, на постоянный двор! Он сейчас на улице!

- Но зачем он сюда идет?

Глэдис стало не по себе: может, в самом деле, ей первой нужно было сходить к мандарину и отдать ему дань уважения? Но у нее не было времени на расспросы, потому что во дворе уже поднялась суматоха. Глэдис вышла на веранду и стала свидетельницей необычного зрелища. В воротах постоянного двора собралась толпа любопытных, которые пытались протиснуться внутрь. Официальные лица безмолвно окружили носилки, опущенные на землю четырьмя носильщиками. Занавеси, которыми были накрыты носилки, раздвинулись, и из них вышел пожилой человек в красной мантии и черной тубетейке. Выражение его лица показалось Глэдис добрым и благородным, и она подумала, что этот человек пришел не для того, чтоб арестовать ее.

После того, как они обменялись длинными традиционными приветствиями, мандарин объяснил причину своего визита. На протяжении столетий в Китае практиковался обычай связывать ноги у новорожденных девочек, подгибая пальцы ног под ступню. Издревле считалось, что чем меньше у женщины ступня, тем она красивее. В результате этой древней традиции женщины передвигались с большим трудом и не могли ходить на большие расстояния. Теперь же был издан новый правительственный указ, запрещающий связывать ноги новорожденным девочкам. Тем, у кого ноги были связаны, велено было развязать их. Каждый мандарин должен был найти в своей местности человека, который мог бы проследить за выполнением этого указа.

"Я хочу, чтобы ты нашла того, кто взял бы эту ответственность на себя. Наверное, ваши христианские миссии могли бы прислать мне женщину на эту должность. Конечно, она будет делать это за плату: немного зерна и небольшая сумма денег за каждую женщину, которой оказана помощь. Правда, нужно будет обойти много деревень, преодолеть немалые расстояния через горы. Но мы пошлем с ней охрану: ее будут сопровождать солдаты, которые всегда смогут ее защитить. Это то, о чем я хотел просить тебя!"

Мандарин расклялся, сел в свои носилки, и его унесли. А Глэдис долго думала: как поступить, что теперь делать? Через несколько недель мандарин пришел за ответом, но ей нечего было сказать: ни одна из миссий не могла выделить миссионерку, которая занималась бы проверкой ног китайских женщин. Глэдис не знала, как объяснить это мандарину. Она только сказала ему, что искала кандидата для выполнения правительственного указа, но никто не откликнулся. Казалось, мандарина не удивил такой ответ.

"Тогда этим займешься ты сама!" - авторитетно заявил он. Глэдис не успела возразить, а мандарин продолжал: "Я назначаю тебя официальным инспектором по проверке ног у женщин!"

Глэдис с трудом сдерживалась, чтоб не рассмеяться: она преодолела путь в десять тысяч километров из Лондона в Китай, чтобы заниматься миссионерским служением - и вот теперь такое назначение! Но тут ей в голову пришла интересная идея, и она обратилась к мандарину:

- Надеюсь, вы не станете возражать, если я, проверяя ноги, буду рассказывать женщинам евангельские истории, как рассказываю погонщикам на моем постоялом дворе?

- Можешь рассказывать все, что тебе угодно! Меня в первую очередь интересует, чтобы ты выполнила мое поручение: следила, чтоб у наших женщин не были искалечены ноги!

* * *

В результате событий следующих месяцев Глэдис стало ясно, что это Бог послал к ней мандарина с таким необычным предложением. До этого, находясь почти безвыездно в Янченге, она могла свидетельствовать только погонщикам ослов, которые останавливались на постоялом дворе на одну ночь, да еще тем немногим жителям города, которые соглашались ее слушать. Теперь же, когда ей была предоставлена охрана от грабителей, нападавших на путешественников на горных дорогах, она могла посетить сотни селений по всей области. К тому же указ мандарина, написанный на красной бумаге, значительно облегчал ее задачу, а присутствие солдат говорило о том, что она облечена властью.

Помимо всего, Глэдис радовалась, что наконец-то запрещена эта ужасная традиция, из-за которой женщины не могли нормально ходить, и была полна решимости помочь новорожденным девочкам. Но больше всего ее радовало, что, куда бы она ни пришла, она могла поделиться Евангельской вестью с простыми деревенскими людьми. Почти все жители отдаленных селений жили в страхе перед злыми духами, и очень редко встречались те, кто уже раньше слышал об Иисусе Христе. Глэдис радовалась возможности рассказать им о Спасителе, Который мог изменить их жизнь и избавить от страха.

Прошло несколько месяцев, и Глэдис стала личностью, известной во всей области. Благодаря постоянному общению с людьми, она уже не только хорошо говорила по-китайски, но освоила многие местные диалекты. Путешествие по горам всегда считалось крайне опасным, сопряженным с большим риском, а поэтому сам мандарин удивлялся необычайному мужеству Глэдис. Прошло еще немного времени, и перед лицом смертельной опасности ей пришлось проявить непостижимую храбрость, после чего китайцы стали смотреть на нее совершенно другими глазами.

* * *

Размахивая красным листом бумаги, на постоялый двор прибежал посыльный. Он сунул этот лист Глэдис, и она прочитала его старому Янгу.

- Это сообщение от мандарина. В тюрьме начался бунт, но я не понимаю, почему об этом сообщают мне!

- Если послание пришло из ямена, ты должна немедленно пойти туда!

- Вздор, - ответила Глэдис. - Бунт в тюрьме не имеет ко мне никакого отношения!

Повернувшись к посыльному, она сказала:

- Постоялый двор сейчас переполнен, так что передай мандарину, что я очень занята.

Испуганный посыльный поклонился и убежал. Но вскоре он возвратился, снова размахивая листом красной бумаги - это было новое срочное послание от мандарина. Раздосадованная такой настойчивостью, Глэдис вынуждена была вытереть руки и поспешить за посыльным. Но он привел ее не в ямен к мандарину, а прямо к тюрьме. Приближаясь к зданию тюрьмы, Глэдис услышала доносившиеся оттуда крики: это были нестихающие вопли ужаса. У входа, заламывая руки, стоял начальник тюрьмы.

- Заключенные взбунтовались! - простонал он.

- Да, да, я слышу страшный шум! - сказала Глэдис. - Но в чем дело?

- Я не знаю, да и никто не знает, что там происходит! Заключенные были во дворе, и вдруг один из них сошел с ума...

Начальник тюрьмы подвел Глэдис ко входу, и она заглянула за массивные толстые ворота.

- Видишь вон тот рослый мужчина с топором? Он нашел его во дворе и обезумел, а потом начал бросаться на всех подряд. Он уже убил или ранил нескольких заключенных!

- Почему же вы не остановите его? Начальник тюрьмы задрожал от страха.

- Если я найду во двор, он убьет меня! Потому я и послал за тобой - только ты можешь войти туда!

Глэдис не могла поверить своим ушам:

- Я? - спросила она. - Вы хотите, чтобы я пошла туда? И не подумаю!

Начальник тюрьмы смотрел на нее с удивлением.

- Но ты же всегда говоришь, что в тебе пребывает дух Живого Бога. Ты христианка! И твой Бог не позволит, чтобы с тобой случилось что-то плохое!

После этих слов Глэдис ничего не оставалось делать, как открыть ворота и войти во двор тюрьмы. Это было страшное зрелище: кругом лежали раненые. Как только заключенные заметили ее, крики и вопли стихли. В другом конце двора она увидела обезумевшего заключенного: его глаза сверкали, в руках он держал огромный топор. Издав неистовый крик и подняв топор над головой, он ринулся прямо на Глэдис. У нее не нашлось даже сил, чтобы повернуться и побежать к воротам. Убийца остановился в нескольких шагах от нее.

"Дай мне топор!" - приказала Глэдис. В ее голосе не было ни малейшего признака страха. Постепенно глаза заключенного потеряли выражение бешенства, он вытер кровь с топорика и положил топор у ног Глэдис. Она подняла топор и отдала начальнику тюрьмы.

После этого, пока со двора уносили убитых и раненых, она около часа разговаривала с заключенными, стараясь внимательно выслушать их. Во дворе Глэдис увидела небольшие деревянные клетки, в которых их содержали. Среди заключенных были убийцы, воры, был даже священник, ставший на путь грабежа, и другие нарушители закона. Годами эти люди находились в тюрьме, и у большинства из них не было никакой надежды на освобождение. Глэдис подумала, что если бы ей пришлось жить в таких условиях, она, наверное, тоже сошла бы с ума. Когда мужчин развели по клеткам и снова закрыли в них, Глэдис пошла к начальнику тюрьмы.

- Вы превратили их в животных! - сказала миссионерка. - Целый день эти люди ничем не заняты и бунт для них - это единственная возможность отвлечься!

- Конечно, они ничем не заняты. Чем же их занять? Ведь они преступники! - возразил начальник тюрьмы.

- Хорошо, я буду говорить об этом с мандарином, - сказала Глэдис.

За это время они с мандарином стали друзьями. В ямене у мэра, где женщин вообще не принимали, с Глэдис разговаривали на равных, и мандарин часто советовался с ней, какие перемены были бы уместны не только в окрестных деревнях, но и в городе. Однако оказалось, что улучшить условия заключенных не так легко.

- Заключенные по всему Китаю живут так же, как в Янченге, - сказал ей мандарин. - У нас нет средств, чтобы создавать им особые условия! А если даже мы и попытаемся облегчить им жизнь, они начнут злоупотреблять этим. И вообще, с какой стати мы должны помогать этим преступникам?

- Может быть, если бы у них была возможность честно заработать деньги, они не стали бы ворами и убийцами, - решительно возразила Глэдис.

Мандарин пожал плечами.

- Делай, что хочешь! Я уже убедился, что хотя твои предложения часто кажутся странными, в большинстве случаев они приводят к добрым результатам.

Глэдис поклонилась и направилась к выходу, но мандарин еще не все сказал:

- Начальник тюрьмы очень благодарен за твою помощь. Он сказал, что дает тебе разрешение приходить в тюрьму в любое время, если ты захочешь поговорить с заключенными!

* * *

Выйдя на улицу, Глэдис улыбнулась: перед ней открылось еще одно место для свидетельства о Христе! Сначала - погонщики ослон на постоялом дворе, затем - женщины в деревнях, где она проверяла, чтоб им не уродовали ноги, и вот теперь заключенные, эти отчаявшиеся, озверевшие люди - все они смогут услышать о Христе.

Через короткое время Глэдис раздобыла два ткацких станка и хлопчатобумажную пряжу, чтобы заключенные могли ткать. Затем она разыскала для них мельничный жернов, и заключенные стали продавать кукурузную муку, а также полотно, которое сами ткали. Заработав немного денег, они почувствовали себя более независимыми, но главное, - теперь у них появилась надежда через какое-то время выплатить долги, за которые многие из них попали в тюрьму, и стать свободными людьми.

Глэдис также принесла им кроликов на развод, которых заключенные могли выращивать для продажи. В дни, свободные от обязанностей инспектора по проверке ног, Глэдис шла в тюрьму. Она беседовала с заключенными, расспрашивая о здоровье и условиях содержания, а также рассказывала им евангельские истории.

Как и мандарин, начальник тюрьмы был теперь в числе ее друзей. Однажды он удивил Глэдис своей просьбой:

- Ко мне приезжает друг. Это известный ученый, но он, как и ты - христианин. Я хочу попросить, чтоб ты пригласила его сказать проповедь в твоей церкви на постоялом дворе.

Глэдис была поражена такой просьбой.

- Спасибо, я с удовольствием приглашу его к себе, но с одним условием: пусть он скажет проповедь и для заключенных.

- Здесь, в тюрьме? - с удивлением переспросил начальник тюрьмы.

- Нет, не здесь. Я хочу, чтоб заключенные пришли на постоялый двор, и ваш друг будет проповедовать для них в моей церкви.

От такой просьбы начальник тюрьмы пришел в ужас.

- Но они же разбегутся!

- С толстыми цепями на ногах? Сомневаюсь, - возразила Глэдис. - Они не станут даже пытаться! Но если хотите, я предупрежу их, и они послушают меня.

Начальник тюрьмы не стал спорить - он хорошо знал, что даже сам мандарин всегда соглашался с этой чужеземкой! Он несколько не сомневался, что если она заранее скажет заключенным, как себя вести, они послушают ее.

Неделю спустя жители Янченга сбежали со всех сторон, чтобы своими глазами увидеть странное зрелище: закованные в цепи заключенные прошли по запруженным улицам города к церкви, которая находилась во дворе "Гостиницы восьмого счастья".

* * *

Позднее Глэдис пришлось участвовать в евангелизации еще одной тюрьмы. Она узнала, что в городе, где она гостила, группа христиан как-то посетила местную тюрьму, но там еще никто не проповедовал. Получив разрешение начальника, она стала ежедневно приходить в эту тюрьму, как она делала в Янченге, разучивая с заключенными христианские песни и рассказывая им об Иисусе Христе.

Среди заключенных был молодой парень, совершивший убийство. По неизвестной причине его не казнили, а отправили в тюрьму. Он пользовался репутацией неподражаемого комика, и заключенных особенно приводило в восторг, когда он передразнивал Глэдис. После каждого визита миссионерки молодой заключенный становился на табуретку, имитируя ее жесты, интонацию и даже выражение лица. Заключенные буквально покатывались со смеху: для них это стало излюбленным развлечением.

Но однажды этот человек не смог повторить ни одного слова, сказанного в тот день миссионеркой. Он несколько раз возобновлял свои попытки, но из этого ничего не вышло. Тогда другой заключенный стащил его с табуретки, сказав: "Знаешь, почему у тебя ничего не вышло? Да потому, что ты не веришь всему этому, а она верит! Нехорошо насмехаться над человеком, который рассказывает нам о Боге!"

Молодой человек пожал плечами и отошел в сторону. Позже он затеял драку, его заковали в кандалы и посадили в карцер. Глэдис пришла навестить его. Она даже не вспомнила того, что он насмехался над ней, но помолилась, чтоб Бог коснулся его сердца, освободил плененный разум и снял оковы с его души.

Через два дня, когда Глэдис снова пришла в тюрьму, ей сообщили, что молодой человек просит о встрече с ней. Войдя в общую камеру, она увидела, что этот заключенный был без кандалов.

- Кто снял твои цепи? - спросила она. - Что произошло?

У заключенного было странное выражение лица.

- Цепи упали, - просто сказал он.

- Как упали? Что ты имеешь в виду?

- Я и сам не знаю, как все это объяснить! Да и никто из моих сокамерников не понимает, что случилось! Прошлой ночью я проснулся и почувствовал, как ты мне рассказывала про апостола Петра в Иерусалимской тюрьме, что в камере со мной был Иисус Христос. Хотя я Его не видел, я был настолько потрясен, что тут же стал будить других заключенных. И вдруг - мои цепи...

Он остановился, будто сам был не уверен, что это действительно произошло.

- Мои цепи... - запнувшись, опять проговорил он. - Мои цепи упали и лежали на полу рядом со мной! Можешь спросить у других заключенных! Или у охранников, которые вошли в камеру, услышав шум - все было действительно так! Но это еще не все: не только кандалы упали с моих ног, но Иисус освободил меня от моих грехов, и теперь я христианин!

5. "Девятьпенсов"

Глэдис жила в Янченге уже два года, когда в их миссии появился первый ребенок. Это была маленькая девочка, которую она купила за девять пенсов.

Исполняя свои инспекторские обязанности, Глэдис ходила по деревням с указом мандарина проверять, чтобы пальцы ног у новорожденных девочек и всех остальных женщин не были связаны. В тех случаях, когда указ нарушался, Глэдис требовала его выполнения. Где бы Глэдис ни появилась, она везде свидетельствовала о Христе. Ее слушатели не всегда до конца понимали все, что она им рассказывала, но многие успели полюбить Иисуса. В результате изменилась их жизнь: мужья начали лучше относиться к своим женам, родители в христианских семьях стали любить своих детей независимо от того, девочка это или мальчик (тогда как в обычной китайской семье рождение мальчика вызывало радость, а рождение девочки расценивалось как неприятность).

При "Гостинице восьмого счастья" построили небольшую церковь, так как теперь христиане были уже и в самом Янченге, а не только в деревнях. Они собирались для изучения Библии и молитвы. Постоянным участником этих собраний был Хси-Лиен, один из тех погонщиков, чьего осла Глэдис когда-то насильно затащила на постоялый двор. Янг тоже помогал ей теперь уже не только как повар: он рассказывал постояльцам библейские истории лучше, чем это делала сама Глэдис.

* * *

Примерно через два года после того, как Глэдис назначили инспектором, возвратившись из деревни Чаужан, она шла по улицам Янченга в направлении ямена, чтобы доложить мандарину о результатах своего путешествия. Вдруг Глэдис заметила сидевшую на тротуаре женщину, принадлежавшую к одному из горных племен: когда-то яркая, выгоревшая на солнце одежда на ней, огромные серебряные серьги в ушах, а также зеленые обмотки поверх шаровар указывали на то, что она не была жительницей Янченга. Взглянув

на нее, Глэдис невольно подумала, что она редко встречала женщин с таким злым выражением лица. Вдруг она заметила ребенка, лежавшего у ног незнакомки: он был таким худым, будто его морили голодом, с глубоко ввалившимися испуганными глазами.

- Твой ребенок болен, - сказала Глэдис. - Его нужно лечить.

- Чушь! - ответила женщина. - С ребенком все в порядке. Хочешь, я продам его тебе за два доллара?

Глэдис пришла в ужас от такого предложения.

- Мне не нужен твой ребенок! Лучше сама смотри за ним как следует!

- Тогда бери ребенка за полтора доллара!

- Ты очень жестокая женщина! Я не понимаю, как может мать продавать своего ребенка? Да к тому же, у меня и нет таких денег.

Лицо женщины потемнело от гнева, и тут только Глэдис поняла, в чем дело - эта женщина украла ребенка в какой-то деревне, и теперь пыталась продать его! Ничего больше не сказав, Глэдис поспешила в ямен на прием к мандарину. Доложив о своей поездке в Чаужан, она задала мандарину вопрос:

- Что вы делаете с женщинами, которые воруют детей?

Мандарин удивленно приподнял брови.

- Ничего, - ответил он.

- Как же так? Таких женщин нужно бросать в тюрьму! Одна из них продает сейчас ребенка прямо здесь, на вашей улице - она пыталась продать его мне!

Мандарин покачал головой:

- Я бы не советовал тебе покупать этого ребенка - у тебя достаточно забот и без детей!

- А кто сказал, что я собираюсь его покупать? Но неужели нельзя что-то предпринять? - продолжала возмущаться Глэдис.

- Такие женщины занимаются воровством не в одиночку, - объяснил ей мандарин. - Они принадлежат к бандам, которые разбойничают на горных дорогах. Если я посажу в тюрьму или как-то еще накажу хоть одну из них, бандиты сделают налет на город и сожгут его дотла. И вообще, Глэдис, почему это я должен переживать о какой-то нищей девчонке?! Я уверен, что это девочка, а не мальчик, - пояснил он Глэдис, - потому что обычно эти женщины воруют девочек и продают их как рабынь. Я приказываю тебе ничего не предпринимать и вообще не вступать в разговор с той женщиной!

Резко ударив в гонг, мандарин отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена. Глэдис направилась к двери, но потом обернулась и возмущенно сказала:

- Можете считать, что я не слышала вашего последнего распоряжения! Я приехала в Китай рассказывать людям о любви Иисуса Христа - так что теперь и вы, и все эти бессердечные люди на деле узнают, что такое христианская любовь!

Услышав это, мандарин задрожал от гнева: он сделал движение, будто хотел еще раз ударить в гонг и позвать стражу, чтоб миссионерку арестовали. Но потом выражение его лица смягчилось. Он с уважением посмотрел вслед Глэдис: ни один человек в округе не смел перечить ему? или уклоняться от исполнения его приказаний, и впервые в жизни он видел женщину, которая осмелилась на это!

Глэдис шла по улице в сторону воровки. Ей не пришлось заводить с ней разговора, потому что та сама окликнула ее: "Я отдам тебе ребенка за доллар!"

Вынув из кошелька несколько монет, Глэдис подала их воровке.

- Здесь девять пенсов, - сказала она. - Это все, что у меня есть.

- Хорошо! Забирай!

В руках у Глэдис оказался грязный сверток: завернутые в тряпки кожа да кости. На постоялом дворе она развернула ребенка: мандарин был прав, воровка продала ей девочку. Ребенок был настолько истощен, что Глэдис не знала, доживет ли девочка до следующего утра. Но она выжила, хотя первые несколько дней, как испуганный зверек, забивалась в дальний угол комнаты. Когда Янг приносил ей еду, она выходила из своего убежища, ела, а потом снова пряталась. Но ровно через две недели "Девятьпенсов", как назвала ее Глэдис, превратилась в опрятную и веселую девочку, в ее изможденном маленьком теле стали появляться признаки здоровья. Так в доме Глэдис появился первый ребенок.

* * *

Через несколько месяцев у Глэдис появился второй ребенок, и вот как это произошло. Как-то перед обедом Девятьпенсов подбежала к Глэдис и спросила: "Можно мне меньше есть за обедом?" Ее глаза подозрительно блстели. "Мама" Глэдис посмотрела на нее с удивлением, потому что Девятьпенсов обычно съедала все, что ложили ей на тарелку. Глэдис кивнула.

- А можешь и ты меньше есть? - продолжала задавать вопросы Девятьпенсов.

- Расскажи мне, в чем дело? - спросила Глэдис, заподозрив неладное.

- Если я и ты будем меньше есть, то оставшуюся пищу, мы можем сложить в тарелку, и ее хватит еще для одного человека.

- Для кого?

- Для одного мальчика, - ответила Девятьпенсов. - Он живет на улице, и он ничей! Я спрашивала его, и он сказал, что уже давно ничего не ел.

- Он должен быть чьим-то, - попыталась возразить Глэдис, но Девятьпенсов была уже за воротами.

Она возвратилась, держа за руку застенчивого мальчика с голодными глазами. "Это Лесс!" - объявила она. Все попытки разыскать родителей мальчика не увенчались успехом, и с того дня Лесс стал еще одним членом их семьи. Третий ребенок примкнул к ним, когда они пошли на речку стирать белье. Неизвестно откуда перед ними вдруг появился Бао-Бао. Глэдис так и не поняла, откуда он взялся, хотя они осмотрели всю долину и расспросили жителей, не потерялся ли у кого мальчик.

Четвертый пришел к ним с толпой беженцев, наполнивших Янченг после наводнения на Желтой реке. Это был маленький мальчик по имени Франсис. Пятого ребенка, девочку, привели во двор мандарина: она потерялась, и мандарин не мог найти для нее лучшего попечителя, чем Глэдис.

* * *

Так постепенно росла семья Глэдис. Мандарин по-прежнему оставался в числе ее лучших друзей. На протяжении многих лет Глэдис не с кем было говорить по-английски (за исключением тех редких случаев, когда она спускалась с гор на одну из миссионерских станций), но зато она освоила множество местных диалектов и владела ими так же хорошо, как сами китайцы.

В Янченге, высоко в горах, местные жители больше заботились об урожае, о ценах на зерно и о своих стадах, чем о том, что происходило в мире. Их мало интересовали события за рекой или за пределами знакомых долин, и они замечали только то, что случалось в округе, обсуждая холодные суровые зимы, наводнения на Желтой реке, или новое нашествие теснившихся в их городе беженцев. Все они только с недоумением пожали бы плечами, если бы им стали рассказывать о японцах, в то время уже вовсю хозяйничавших в других провинциях Китая и оккупировавших часть провинции Шаньси, к которой принадлежал Янченг. Какое им, жителям горных селений, дело до всех этих японцев? Да и что японцам может понадобиться в Янченге?

Но как-то весной 1938 года над горами пролетело несколько серебристых самолетов, и на узкие улицы городка высыпали мужчины, женщины и дети, так как только считанные из них до этого видели самолет. Спускаясь все ниже, самолеты покружили над городом, повернули к горам, снова сделали круг, затем подлетели к Янченгу и выровнялись в одну линию.

Только тогда люди поняли, что находятся в опасности, но было уже слишком поздно, самолеты спустились ниже, и из них посыпались бомбы. Они падали и взрывались на улицах, бежать не было смысла. Но даже если бы люди не вышли на улицы, надежды на спасение не было: рушились жилые дома, лавки, храмы. Во время бомбежки погибло много людей. Так Янченг впервые ощутил дыхание войны.

Во время полета Глэдис находилась в помещении: работы на постоялом дворе было невпроворот. Занятая своими делами, она не заметила самолетов и догадалась о происходившем, только когда до нее донеслись взрывы и крики людей. В следующее мгновение пол провалился, и на Глэдис обрушился весь дом.

6. Пир у мандарина

"Я уверен, что она жива!" - донеслось до Глэдис, и она попыталась пошевелиться. "Конечно, я жива!" - хотелось ей крикнуть в ответ, но рот, забитый грязью, не повиновался. Глэдис оказалась под обломками рухнувшего дома. Откуда-то сверху до нее доносился голос Янга и других мужчин, которых он позвал на помощь. Она слышала, как они начали разгребать камни. Больше всего Глэдис боялась, что когда ее будут вытаскивать, может снова начаться обвал.

Но постепенно груды камней разобрали и ее высвободили. Израненная, грязная, вся в синяках, она все же была жива. "Это японцы?" - спросила Глэдис, отплевывая грязь. Янг утвердительно кивнул, по его грязному лицу текли слезы. "Множество разрушенных домов, десятки убитых..." - скорбно сказал он.

Глэдис вышла из заваленного обломками двора, чтобы посмотреть, что же произошло. Она была настолько потрясена картиной разрушения, что была даже не в состоянии плакать: на улицах повсюду лежали раненые и, как уже сообщил ей Янг, после неожиданной бомбежки осталось много убитых.

Глэдис не раз слышала о налетах японцев на незащищенные города. Но ей трудно было поверить, что могли так сильно пострадать ни в чем неповинные жители Янченга - затерянной в горах небольшой перевалочной базы для погонщиков ослов. Но что об этом думать теперь! И Глэдис, решительно стряхнув пыль со своей изорванной блузы, вытерла кровь с лица и принялась за работу.

* * *

После беседы с мандарином и начальником тюрьмы Глэдис убедилась в том, что они одинаково оценивают ситуацию: можно было не сомневаться, что последуют новые бомбежки. Видимо, японская армия находилась уже на подступах к городу и скоро попытается захватить его. Хотя в самом Янченге не было китайского гарнизона, в горах скрывалось много вооруженных китайцев, которые попытаются организовать оборону города. Значит, сражения не миновать, и город, по-видимому, будет разрушен.

- Всем нам придется покинуть Янченг, - печально сказал мандарин. - Каждый, кто может идти пешком, должен уйти с нами.

Глэдис утвердительно кивнула.

- Но вначале мы должны помочь раненым, - сказала она. - Где можно устроить перевязочный пункт?

- Два храма еще не разрушены, в них можно разместить раненых.

- Сейчас заключенные расчищают дороги, а затем они помогут снести раненых в храмы, - сказал начальник тюрьмы.

- Хорошо, - кивнула Глэдис, пытаясь сохранить самообладание. - У меня нет больших запасов, но если на постоялом дворе уцелели какие-либо предметы первой помощи, их можно будет использовать. Вместо бинтов пойдет бельевая ткань. Давайте браться за дело!

Повернувшись к мандарину, она сказала:

- Раненых нужно вынести из города. Вы должны это организовать!

Мандарин ударил в гонг и отдал приказание своим людям.

- А куда ты собираешься идти? - спросил он у Глэдис.

- В горах есть небольшая деревня под названием Бен-Чан-Чанг. Среди жителей этой деревни есть христиане. Как только стемнеет, я хочу отвести туда детей. Мне поможет старик Янг.

Уходя, она сказала:

- Как только японцы уйдут, мы возвратимся. Обычно они долго не задерживаются на одном месте, но идут дальше, в поисках другого города - чтобы и его разграбить и сжечь.

Вдруг, будто что-то вспомнив, Глэдис с улыбкой сказала мандарину:

- Вот и все - моя карьера инспектора по проверке ног подошла к концу!

* * *

На следующий день Глэдис можно было встретить в разных концах города. С небольшой аптечкой в руках, она старалась помочь раненым, а также ободрить заключенных, которые до изнеможения работали, расчищая улицы от обломков разрушенных зданий и другого мусора, оставшегося после бомбежки.

Через пять дней, когда японские солдаты вошли в город, они нашли Западные и Восточные ворота широко распахнутыми, но в самом городе никого не было. Жилые дома, лавки, постоянные дворы опустели, город был совершенно безлюден - все жители Янченга ушли в горы.

Глэдис терпеливо ожидала вестей в своем укрытии. Это было небольшое селение, состоявшее из восьми дворов, местные жители называли его Бен-Чан-Чанг. Так и не дождавшись новостей, Глэдис решила самостоятельно разведать, что происходит. Через горы, по узким тропинкам, она дошла до Янченга, до самых стен города, но нигде не заметила никаких признаков жизни. Она смотрела на знакомые деревни, на поля и реку - казалось, все замерло. Солнце уже клонилось к закату.

Медленно и осторожно Глэдис продвигалась вперед. В любой момент тишину мог нарушить выстрел. Когда недалеко от города тропа стала шире, тишина показалась ей пугающей: может, японцы притаились в засаде и сейчас схватят ее? Когда Глэдис вошла в город через Западные ворота, ее деревянные сандалии гулко застучали по каменной мостовой. Кое-где все еще дымились сожженные дома.

Когда Глэдис поравнялась с пустой "Гостиницей восьмого счастья", она вскрикнула: у ворот послышалось странное хихиканье. Всмотревшись, Глэдис увидела старика-нищего, которого в городе все знали.

- Ты что, для того пришла, чтоб тебя убили? - спросил он, продолжая хихикать.

- Японцы ушли, - ответила она. - А что вы здесь делаете?

- Кому нужен старый попрошайка, у которого ничего нет? Но ты ошибаешься, они не ушли! Пока что здесь побывала только разведка, армия еще в пути.

- Откуда вы знаете? - спросила Глэдис, чувствуя, что начинает сердиться.

- Я слышал их разговоры. Остальные придут сегодня.

Глэдис не стала больше расспрашивать: она поняла, что старик прав. У запертых Восточных ворот раздался взрыв и треск сломанного дерева. Потом послышались голоса японских солдат, которые входили в город с другой стороны. Глэдис поняла, что город не так пуст, как ей показалось вначале: с разных сторон, из-за домов, стали раздаваться выстрелы. Видимо, после того, как ушла японская разведка, город заняли китайские солдаты, которые скрывались в ближних горах.

Но если японцы уже входили в город через Восточные ворота, скоро они будут и у Западных, через которые Глэдис пробралась в Янченг. Она поняла, что попала в ловушку, потратив слишком много времени на попытки обследовать город, показавшийся ей безлюдным. Солнце скрылось за горами, стало темнеть. Глэдис не знала, что делать, надо было срочно принимать решение. Может быть, ей еще удастся вырваться: у Западных ворот никого не было. Укрываясь за кустами, она стала пробираться в сторону гор.

Внизу, в долине, Глэдис заметила небольшие фигурки в одежде цвета хаки: некоторые из них двигались на восток, другие - на запад. Она быстро спустилась к полю, по обеим сторонам которого продвигались японские части, и спряталась в колосьях. Напуганная мыслью о том, что с ней будет, если ее обнаружат, Глэдис поползла. Постепенно голоса японцев стихли, и она поняла, что находится в безопасности. Поднявшись, она побежала, часто спотыкаясь и падая, по тропе, ведущей в Бен-Чан-Чанг.

* * *

Почти год, с лета 1938 года, Глэдис жила в Бен-Чан-Чанге. Иногда ей приходилось бывать в соседних городах и в Янченге, из которого японцы уже вывели свои войска. В большой пещере она организовала своеобразный медпункт, где, как могла, ухаживала за ранеными и больными. Зима была очень холодной, и трудно было раздобыть пищу. Жители Янченга ничего не знали о своих родных и близких, рассеявшихся по соседним деревням, и среди них не прекращались разговоры о "возвращении домой".

В течение длительной зимы Глэдис поддерживала контакт с мандарином и от него узнавала о передвижениях японской армии, а также о том, какие меры предпринимает правительство Китая. К тому времени японская армия оккупировала третью часть страны. Наконец, мандарин принял решение:

- На короткое время всем нам нужно возвратиться в Янченг. Я пошлю своих гонцов во все места, где скрываются жители Янченга. Получив приказ китайского правительства: мы должны своими руками разрушить город и уничтожить урожай, чтобы японцам не за чем было снова возвращаться сюда.

- Вы считаете, что все действительно нужно уничтожить? - с тревогой переспросила Глэдис.

Мандарин печально кивнул.

- Мы постараемся унести с собой, что сможем... Соберем все, что созрело на полях. А потом подождем дома и уйдем...

Вдруг он улыбнулся, и его улыбка показалась Глэдис очень загадочной.

- У меня есть еще одно предложение, - сказал он. - Я хочу устроить прощальный пир.

Глэдис подумала, что это неуместно и сейчас не время пировать, однако ничего не сказала: видимо мандарин, как самый высокопоставленный человек в округе, хотел попрощаться со своими помощниками: чиновниками, начальником тюрьмы и другими официальными лицами. Глэдис была очень удивлена, когда мандарин стал настаивать, чтоб она тоже присутствовала на торжестве (в китайском обществе, где женщины не были равны с мужчинами, их не приглашали на официальные приемы). Но если сам мандарин пригласил ее, она не могла ослушаться.

* * *

Пир у мандарина был одним из последних знаменательных событий в Янченге. В городе царил смятение, с утра до вечера мужчины выносили из города все, что можно было унести: мебель, ковры, кухонную утварь, даже бревна. Женщины убирали с полей урожай. Постепенно все здания в городе были разрушены, в том числе и храмы. Когда не нашлось смельчаков, желающих разрушить Храм Большого Скорпиона, так как, по преданию, легендарное паукообразное существо могло растерзать разрушителей, это задание поручили христианам. С пением гимнов они взялись за работу и успешно справились с ней.

Перед тем, как идти в полуразрушенный ямен, где был устроен пир, Глэдис решила в последний раз забежать в "Гостиницу восьмого счастья". Постоялый двор не пришлось разрушать: бомбежка, а затем зима сделали свое дело. Глэдис стояла на заваленном обломками дворе и вспоминала, что произошло здесь за восемь лет, прожитых ею в Янченге: в городе и соседних деревнях появилось много христиан, весть о спасении стала доступной даже заключенным, а погонщики ослов разнесли евангельское свидетельство на большие расстояния. Но ей часто казалось, что затрачено столько времени, вложено столько труда, а результаты очень незначительны: Евангельскую весть, в основном, принимали простые люди, а городские правители и чиновники продолжали идти по стопам своих предков.

Глэдис пришла на пир. Пурпурные одежды мандарина выгорели на солнце и порядком истрепались. Начальник тюрьмы выглядел изможденным и больным, не совсем здоровый вид был и у всех остальных. Глэдис знала, что и сама она выглядит не лучше, так как жила эти месяцы впроголодь.

Когда подошла к концу церемония подачи на стол небывало скромных для такого торжественного обеда блюд, мандарин поднялся со своего места и произнес прощальную речь. Он поблагодарил своих друзей и сотрудников, с которыми проработал многие годы, а также выразил особую благодарность всем, кто поддержал его в прошедшем трудном году. Еще мандарин коротко рассказал о планах на будущее.

Затем, обратившись к Глэдис, правитель всей области назвал ее "Ай-вай-де", что значит "добрая, милосердная женщина". Вынося ей благодарность за все доброе, сделанное ею для жителей Янченга, он особо подчеркнул, что благодаря Глэдис был остановлен бунт в тюрьме, и она подарила заключенным надежду. Он также отметил ее работу на постоялом дворе и участие в освобождении китайских женщин от вредных обычаев.

"Никто из нас не смог бы достичь всего этого, - с глубокой серьезностью сказал мандарин, - так как это, оказалось, по силам только женщине, в которой живет Дух Живого Бога!"

Он с уважением продолжал, повернувшись к Глэдис: "Все эти годы я прислушивался твоим словам, хотя и спорил с тобой. Но особо внимательно я наблюдал за твоей жизнью. И пришел к выводу, что Евангелие, которое ты проповедуешь - истинно!"

И этот могущественный человек в пурпурных одеждах, который всю жизнь только отдавал приказания и которому все в провинции беспрекословно повиновались, низко поклонился Глэдис. А затем он тихо сказал: "Ай-вай-де, прежде чем мы уйдем из города, который был твоим и моим домом, я хочу стать христианином!"

7. Розыск

- Поступайте, как знаете, но я не стану выкупать убийц! - решительно заявила Глэдис.

Начальник тюрьмы смотрел на нее с выражением озабоченности на лице.

- Но тогда, как тебе известно, всех их придется убить.

- Но у меня даже денег таких нет, чтобы заплатить за всех!

Хотя чувство юмора обычно не покидало Глэдис в самых сложных ситуациях, создавшееся положение казалось ей настолько нелепым, что просто не находилось слов! Начальник тюрьмы по ее же совету вывесил объявление для родственников заключенных, что, заплатив 90 центов, они могут выкупить заключенного из тюрьмы, поручившись, что тот впредь не будет нарушать закон. А всех, оставшихся в тюрьме, было решено казнить перед всеобщей эвакуацией из Янченга.

Почти всех заключенных родные выкупили. Глэдис сама заплатила за двоих, ставших ее друзьями. Но оставалось еще восемь заключенных, родственники которых жили в отдаленных деревнях и, по всей вероятности, не знали о возможности выкупа. Среди этих восьми были воры и убийцы.

Глэдис с сочувствием смотрела на тоскливые лица закованных в кандалы мужчин. Наконец, она предложила: "Хорошо, давайте сделаем так: освободите их, а я прослежу за тем, чтоб они добрались домой, и их родственники заплатили выкуп. Я соберу деньги, и когда будет возможность вернуться в Янченг, отдам их вам".

Начальник тюрьмы рад был любому совету, исходившему от Ай-вай-де. Он тут же приказал снять с заключенных кандалы, и все они покорно последовали за Глэдис. Глядя на них, она думала, что при эвакуации возглавит очень странную группу: на ее попечении будут эти восемь преступников, а также Девятьпенсов, Лесс и другие дети, которых к тому времени набралось уже более ста (многие потеряли родителей во время бомбежки, другие были из семей беженцев, заброшенных судьбой в Янченг).

При выходе из тюрьмы Глэдис остановил чиновник мандарина. "В женской тюрьме находится девушка, которую продали в рабство. Ее зовут Сулуан, ей всего 15 лет. Мы не знаем, что с ней делать - пытались выдать замуж, но ничего не получилось". Не дожидаясь ответа Глэдис, чиновник торопливо продолжал: "Надеюсь, она сможет присоединиться к вашей группе!"

Итак, семья Глэдис значительно увеличилась. С заключенными у нее сложились замечательные отношения: они то и дело выражали ей признательность, что она сохранила им жизнь и помогла выбраться из тюрьмы. Глэдис выполнила свое обещание: доставила их домой, собрала с семей выкуп и возвратила деньги начальнику тюрьмы. Но Девятьпенсов, Лесс, Сулуан и другие дети по-прежнему оставались на ее попечении.

* * *

Настали трудные времена: захватив часть Китая, японцы быстро перемещались с одного места на другое. Так как японская армия была малочисленной и не могла одновременно оккупировать всю страну, японцы время от времени устраивали набеги: взяв в осаду город с обессиленными от голода людьми, они, в первую очередь, расправлялись с представителями местной власти, а затем убивали каждого, кто осмеливался выразить протест. Затем японские солдаты продвигались дальше, отняв у населения все съестные запасы. Особенно они ненавидели христиан за их веру, мужество, и то, что христиане были связаны с "западными" миссиями.

В любой момент захватчики могли появиться в каком-либо городе или на главных магистралях Китая. Но даже когда солдат не было, налетали самолеты, и начиналась бомбежка. С самолетов расстреливались мирные жители, собравшиеся на городских площадях, или ни в чем неповинные люди, идущие по дорогам. Это были ужасные времена. Но, несмотря на трудности, Глэдис не жалела о том, что приехала в Китай: она твердо верила, что Бог послал ее сюда, чтоб она могла помочь китайцам и засвидетельствовать им об Иисусе Христе.

Теперь ей часто приходилось бывать в оккупированных городах, и много раз Глэдис охватывал страх за детей - если ее убьют, кто позаботится об этих бездомных сиротах? И все же, несмотря на постоянную опасность, Глэдис была жива, была на свободе - Бог хранил ее. Однако страдания не обходили ее стороной: были периоды, когда Глэдис сильно болела. Она голодала гораздо больше, чем другие, потому что часто отдавала свою порцию детям. Не раз ей приходилось переносить оскорбления: как-то, заподозрив, что она шпионка с китайской стороны, японские солдаты ее жестоко избили. На выздоровление ушло несколько месяцев.

* * *

После эвакуации из Янченга, в трудные годы японской оккупации, Глэдис многократно переселялась с места на место. Иногда она брала с собой детей, иногда уезжала без них. Долгое время она жила в горах, в деревне Бен-Чан-Чанг. Затем, взяв с собой часть детей и некоторых друзей, она переселилась в долину, в город Чин-Шу.

Когда этот город окружили японцы, два мальчика, Тим и Ван-Ю, проводили ее в безопасное место: небольшой дом, принадлежавший их родственникам. Этот дом находился высоко в горах и здесь, наслаждаясь тишиной и спокойствием, Глэдис навещала местных крестьян, рассказывая им о Христе.

Однажды Тим принес недобрую весть: "Японские солдаты вошли в деревню!" Прятаться было некогда. Глэдис смотрела в щелку в окне на проходивших мимо солдат: на их винтовках сверкали обнаженные штыки. Тим, Ван-Ю и другие домочадцы с ужасом ожидали момента, когда откроется дверь, и в дом ворвутся японцы. Глэдис видела, как солдаты переходили от дома к дому, никого не находя, потому что все местные жители успели бежать.

Чтобы спасти семью Ван-Ю, она вышла во двор и подошла к воротам. Как только она откроет их, один вид "заморского дьявола" приведет японцев в замешательство: она надеялась, что солдаты, выясняя, кто она такая, будут настолько увлечены расправой над ней, что забудут о тех, кто остался в доме. Нашуап запер, Глэдис помолилась, чтобы Бог укрепил ее и дал мужество для этого шага. Но в тот же момент из дома показалась голова Ван-Ю: "Остановись! Ай-вай-де, остановись! Солдаты уходят! Они спускаются вниз!"

От страшного напряжения Глэдис чуть не лишилась чувств. Войдя в дом, она пригласила всех к молитве, и они благодарили Бога за чудесное избавление.

* * *

Из Чин-Шу Глэдис перебралась в большой город Цечоу, где находилась миссионерская станция. Там она остановилась у своих друзей-миссионеров. В Цечоу ее и застало известие от мадам Чан Кай-ши, которая была женой главы китайского правительства. Мадам Чан Кай-ши уверовала в Иисуса Христа и как могла, помогала христианам. В своем письме она сообщила, что в городе Сиань, по другую сторону Желтой реки, учрежден фонд помощи детям, осиротевшим во время войны, и что его работники готовы позаботиться обо всех сиротах.

Это была радостная новость для миссионеров, работавших в Цечоу: в их школе было много сирот, и их число постоянно росло. Очень сложно было прокормить детей и разместить на ночлег: в небольших помещениях миссии проживало более 200 детей.

- Мы не сможем отправить в Сиань сразу всех детей: половине из них придется остаться здесь, а около ста поедут в Сиань, - предложила одна из миссионерок.

Все согласились с ней. Миссионеры приготовили детей к дальнейшему путешествию. Через пять недель из Сиань поступило известие, что дети благополучно добрались до места назначения.

Этот случай навел Глэдис на размышления. Последнее время она жила одна: не представлялось никакой возможности взять с собой Девятьпенсов и других детей, которые жили в разрушенном Янченге (после того, как японцы ушли из города, дети переселились туда из деревни).

- Всех их нужно срочно переправить в Сиань, там они будут в полной безопасности, - советовали ей миссионеры.

- Но кто их туда доставит? - спрашивала Глэдис.

- Ты! Конечно же, ты! - в один голос отвечали друзья.

Глэдис знала, что рано или поздно поступит такое предложение. Хорошо понимая, что для безопасности детей их необходимо как можно скорее вывести из района военных действий, сама она не намерена была покидать эти края. Глэдис пыталась объяснить друзьям: "Поймите, я не собираюсь бежать - мое место здесь, в этой опасной зоне! Но если я попаду в Сиань, мне уже не удастся вернуться сюда".

Друзья не соглашались с ее намерением остаться в районе военных действий: Глэдис была очень больна, ее постоянно трясла лихорадка, и все знали, что долго она не выдержит, если и дальше будет вести кочевой образ жизни. Но никто не смел, ей прямо об этом сказать: если бы Глэдис узнала, что друзья хотят отправить ее с детьми в Сиань, потому что сама она больна и нуждается в отдыхе, она бы наотрез отказалась.

Вопрос отъезда разрешился довольно скоро. На богослужении, где была и Глэдис, один из посетителей подал ей лист бумаги: "Посмотрите, Ай-вай-де, такие объявления расклеены по всему городу!"

Это был довольно большой лист. Прочитав, Глэдис не могла поверить своим глазам: "Японская армия объявляет награду в сто долларов за информацию, которая приведет к поимке женщины небольшого роста по имени Ай-вай-де".

8. В горы!

"Кто из вас хочет отправиться со мной на прогулку в горы?" - спросила Глэдис у детей. В ответ раздались громкие восторженные возгласы, и десятки смуглых рук взметнулись вверх. Обрадованные дети толпились вокруг Глэдис и, перебивая друг друга, спрашивали, куда они пойдут и как скоро можно будет отправиться в путь.

- Это будет очень длинная прогулка: нам придется много дней идти через горы к великой Желтой реке. И прежде, чем мы достигнем цели, все мы очень устанем.

- Ай-вай-де, давайте пойдем прямо сейчас!

- А мы увидим солдат?

- А вы пойдете с нами?

- Сколько часов будет длиться наша прогулка?

Глэдис смотрела на детей, скучившихся на грязном, замусоренном постоялом дворе.

- Поймите, что идти нам придется не несколько часов, а много-много дней. Я надеюсь, что мы не увидим японских солдат, но если вдруг мы наткнемся на них, нам придется быстро спрятаться...

- А то они нас убьют?

Казалось, вероятность смерти несколько не беспокоила малыша, выкрикнувшего эти слова - мысль о продолжительной прогулке была намного интереснее разговоров об опасностях.

- Я тоже пойду с вами, - заверила Глэдис детей. - В последнее время я часто уходила одна, но теперь я буду с вами до самого конца путешествия.

Дети закричали от радости: они были счастливы, что рядом с ними будет их любимая Ай-вай-де. А Глэдис смотрела на них и думала: все ли выживут, все ли сумеют выдержать трудности, которые встретятся им в пути?

* * *

Позднее Глэдис поняла, насколько вовремя она успела выбраться из Цечоу. Среди населения города не все были ее друзьями, а награда в сто долларов была слишком большим искушением для многих китайцев. Сообщение о том, что на нее объявлен розыск, заставило Глэдис уйти не только из Цечоу, но даже из провинции Шаньси, где она прожила все эти годы, так как не было сомнений, что через короткое время японцы оккупируют весь район. В день, когда японцы ворвались в город через одни ворота, Глэдис успела выйти через другие. Она долго пряталась среди полей.

До Янченга она добиралась два дня. Многие жители к тому времени уже возвратились на родные руины. Улицы были завалены хламом и обломками, дома разрушены или сожжены. Мандарин сменил свои пурпурные одеяния на выгоревшую синюю рубашку и брюки. Когда Глэдис вошла к нему в комнату, его старое морщинистое лицо, как всегда, расплылось в приветливой улыбке. Она рассказала, что намерена вывести детей из района военных действий. На лице мандарина появилось тревожное выражение, он неодобрительно покачал головой и объяснил, что переправить детей в Сиань будет намного сложнее теперь, чем несколько месяцев назад, когда миссия из Цечоу доставила туда своих сирот.

- Ни в коем случае не идите по дорогам, они запружены японскими солдатами, - посоветовал мандарин. - Ах, как все это опасно, Глэдис! Даже если вы пойдете по горным тропам, где караваны перевозят грузы, вам придется идти по оккупированной территории, и японцы могут захватить всех вас в плен!

- А сколько времени займет такой переход? - спросила Глэдис, давая понять, что не намерена спорить о том, что уже окончательно решено.

- Торговые караваны преодолевают это расстояние за четыре дня, но с детьми хорошо будет, если вы доберетесь за двенадцать.

Мандарин испытывающее посмотрел на Глэдис и спросил: "Сколько будет с тобой детей?" Она пересчитала в памяти всех оставшихся на постоялом дворе: Девятьпенсов, Лесс, Сулуан, и дети, которых она взяла к себе еще в начале войны. Но теперь к ним присоединились еще десятки сирот, и ни одного из них она не согласна оставить. "Я забираю всех, - сказала Глэдис, - их около ста".

Мандарин смотрел на нее, не веря своим ушам, и только качал головой: "Глэдис, да это просто невероятно! Ты ненормальная!" Затем он серьезно добавил: "Пусть Сам Бог защитит тебя, Ай-вай-де, и сохранил всех вас в пути. Я тоже постараюсь хоть чем-то помочь: я пошлю носильщиков, и несколько дней они смогут пройти с вами и понести зерно, чтобы вам было чем кормить детей.

* * *

Дорога с самого начала была очень трудной. Не понимая, как долго будет длиться эта необычная прогулка, маленькие дети бегали по тропе взад и вперед, неэкономно расходуя свои силы. Через несколько часов после того, как отряд Глэдис отправился в путь, дети проголодались и устали, и младшие стали просить, чтоб их понесли. Больше всего Глэдис переживала о том, сумеют ли они раздобыть достаточно еды, всегда ли найдется им приют для ночлега, или как быть, если кто-то из детей заболел.

Первые три дня пути ей не пришлось заботиться о еде, потому что мандарин послал с ними носильщиков с зерном. Но его нужно было расходовать очень осторожно, чтоб в конце путешествия не остаться без еды.

На первую ночь приют был обеспечен - с наступлением вечера они подошли к деревне. Священник буддистского храма не поверил своим глазам, когда увидел огромную группу детей, но так как китайцы очень дружелюбны и гостеприимны, он разрешил им переночевать в храме, и они спали в окружении буддистских идиолов и крыс, наводнявших храм. К счастью, детям это несколько не мешало - едва успев присесть, они моментально засыпали.

Вторая ночь была гораздо труднее: по пути им не встретилось ни одной деревни. Чтобы хоть чуть-чуть согреться и укрыться от ветра, они расположились за лежавшими вдоль тропы камнями и крепко прижались друг к другу. Но к утру дети так сильно замерзли, что едва могли пошевелиться. Глэдис не решилась сказать им, что следующие ночи могут быть еще труднее, чем эта.

На третий день пути носильщики решили, что им пора возвращаться в Янченг, потому что они подошли к границе территории, находившейся под правлением их мандарина. К счастью, детей нагнал человек на осле и предложил им приют в своей деревне.

Следующие несколько дней и ночей они провели в самом сердце гор. Очень редко тропа спускалась к более широкой дороге, идти по которой было намного легче. У детей болели ноги, их обувь изнашивалась. Глэдис знала, что зерна оставалось все меньше и меньше, а до Желтой реки было еще очень далеко.

На пятый день они уже шли по незнакомой для Глэдис территории, так как миновали деревни, в которых она исполняла обязанности инспектора. Им нужно было держаться тропы - это единственное, что она знала. Они были посередине ущелья, когда забежавший вперед малыш вдруг резко повернулся с криком: "Ай-вай-де! Солдаты! Там, за углом, на тропе - солдаты!"

У Глэдис не оставалось времени, чтобы спрятать детей. Онемевшие от страха, они сбились в кучу, прижавшись друг к другу. Из-за поворота появилась группа мужчин в запыленной военной форме цвета хаки, с висящими через плечо винтовками. К своему

величайшему облегчению Глэдис поняла, что это были китайцы. Солдаты были не меньше их удивлены, увидев такую большую группу детей от пяти до пятнадцати лет. Начались длинные объяснения, в середине которых всем пришлось прятаться от пролетающих японских самолетов.

Солдаты решили разбить свой лагерь на том месте, где они встретились со странствующей группой детей. Они вытащили из своих мешков еду и поделились ею с детьми. Давно уже дети не ели такой вкусной пищи. Сытые и довольные, они уснули под звездным небом.

* * *

Наступила последняя неделя путешествия. Она оказалась такой бесконечно длинной и трудной, как будто дни превратились в месяцы. За всю свою жизнь Глэдис не помнила недели, которая тянулась бы так бесконечно долго, как эта.

Стало намного холоднее, по ночам им приходилось прятаться среди скал. Малыши не переставали плакать, потому что сильно устали и постоянно были голодными. Ноги детей были разбиты в кровь, нередко им приходилось пробираться по опасным тропам, и поэтому они шли цепочкой, взявшись за руки. Временами тропа совсем исчезала, и нужно было спускаться прямо по отвесной скале, и тогда старшие дети создавали живую цепь, чтобы при спуске подстраховать малышей. Дети до такой степени ослабели, что не могли больше петь.

На шестой день путешествия, при встрече с китайскими солдатами, они напугали Глэдис рассказами о том, что японцы контролируют большую часть территории, прилегающей к Желтой реке. Глэдис считала дни от начала этого изнурительного путешествия: шесть дней до встречи с солдатами, а затем - седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый день. Глэдис лихорадило, у нее поднялась температура: Ай-вай-де чувствовала себя намного хуже, чем дети. И вот на двенадцатый день перед ними открылось то, к чему они столько дней стремились: горы расступились, внизу простиралась долина. И они увидели Желтую реку - с большого расстояния казалось, что солнце серебрит воду.

Дети смеялись от восторга и наперебой выкрикивали: "Вот она, наша река! Вот мы и пришли! А там будет для нас еда?" Их съестные запасы почти иссякли, дневная норма была сведена до минимума.

"Но как же мы переправимся на другой берег?" - взволновались дети. С полным доверием Богу, которое росло и крепло с каждым новым днем, Глэдис ответила: "Вдоль реки есть деревни. Люди помогут нам, и мы переплывем на другой берег на лодках. Там мы будем жить в полной безопасности - японцы не смогут пробраться в заречные области!"

Но, спустившись к реке и разыскав деревню под названием Юан-Ки, они увидели, что деревня пуста: в ней никого не осталось, кроме одного больного старика. Они не нашли там никакой пищи, и самым печальным было то, что в деревне не осталось ни одной лодки. "Японцы наступали, все жители деревни убежали! Они забрали с собой лодки и поплыли вниз по реке", - вот все, что мог сказать им старик. Он посмотрел на Глэдис и окруживших его детей, и злобно выкрикнул: "Возвращайтесь, откуда пришли!"

9. Дальнее путешествие

Прошло три дня с тех пор, как они вышли к реке. Совершенно убитая и безутешная, Глэдис не отходила от берега: она не могла поверить, что Бог, Который повелел ей вывести детей и затем хранил на протяжении всего трудного горного пути, Бог, Который привел их, наконец, к Желтой реке - теперь оставил их, чтобы вся огромная семья Глэдис погибла от рук японских солдат.

Но, с другой стороны, каким образом им удастся пересечь эту широкую реку? Дети много дней уже голодали и от переутомления стали раздражительными и боязливыми. Они выскребли из мешков все до единого зернышка, и теперь были заняты поисками пищи в пустых домах и в мусорщиках. Но нигде ничего не было! Местные жители не появлялись. Переправиться через реку было не на чем, но и возвратиться назад, совершив еще один переход через горы - казалось невыполнимым!

* * *

Образовав широкий круг, дети сидели у реки и пели гимны. Вдруг кто-то из малышей закричал: "Ай-вай-де, смотри, смотри!" Следуя взглядом за пальцем мальчика, Глэдис увидела офицера китайской армии: он стоял с винтовкой в руках и смотрел в их сторону. Затем кивком головы он подзвал группу солдат, которые выскочили из укрытия и с винтовками наперевес пошли прямо на детей.

"Кто вы такая? - резко спросил офицер. В его голосе слышалось подозрение. - Откуда вы пришли? Что это за дети?" Когда Глэдис попыталась ответить на его вопросы, офицер застыл от удивления: хотя Глэдис, как все китайки, была небольшого роста, по ее акценту офицер сразу понял, что она иностранка. "Вы - иностранка! Сейчас же объясните, что здесь происходит!"

Пока она рассказывала, он смотрел на нее, не веря ни одному слову из того, что говорила Глэдис. Однако взволнованные возгласы и реплики детей убедили офицера, что невероятная повесть о двухнедельном переходе через горы не была выдумана белой женщиной. "Вам известно, что вы находитесь на линии фронта? - сурово спросил офицер. - И что пересекать Желтую реку запрещено?" Глэдис отрицательно покачала головой.

Офицер вынул из кармана свисток и три раза пронзительно свистнул. На противоположном берегу появились лодки - солдаты вытащили их из укрытия и подтянули к воде. "Придется три раза переплывать реку, чтобы перевезти всех детей, - сказал офицер. - Но если появятся японцы - тогда все пропало! Они потопят лодки и не посмотрят на то, что в них дети. Да и вообще, я не могу понять, почему в течение последних трех дней японцы не бомбили берег - раньше их самолеты прилетали ежедневно!"

Тогда Глэдис сказала офицеру, что она знает, почему несколько дней не было бомбежки, рассказав ему, как Бог вел их к реке, а затем все эти дни охранял на берегу. Глэдис также уверила офицера, что Бог и дальше будет хранить их, и во время переправы не будет вражеского налета.

Когда последняя лодка с детьми причалила к противоположному берегу Желтой реки, офицер с недоумением покачал головой: переправа действительно закончилась благополучно! Эта женщина, в самом деле, оказалась права, ее заверения были небезосновательны. Может, она действительно знает что-то такое, о чем сам он не имеет представления?

* * *

Но даже с противоположного берега до Сиань было еще очень далеко. Правда, в первую ночь все они радовались тому, что находятся в безопасности, и что дружелюбные местные жители накормили и приютили их. И хотя полицейский пытался арестовать Глэдис за то, что они пересекли реку (так как это считалось нарушением закона), Глэдис, защищаясь, дошла до мандарина этого города.

Наступила первая ночь без тревог: сытые и умиротворенные дети мирно спали во дворе храма. Глэдис вымыла всем ноги и перевязала порезы, а мандарин выдал каждому ребенку новую одежду.

Утром мандарин объявил ей: "До Сиань еще очень далеко! Боюсь, что идти вам придется слишком долго, и часть пути снова будет пролегать через горы. Чтобы облегчить ваш путь, я предлагаю четырехдневную поездку на поезде".

Когда Глэдис рассказала об этом детям, они не могли понять, о чем идет речь. "Ай-вай-де, а что такое поезд?" - спросил у нее один из малышей. Но скоро поезд перестал быть загадкой для детей. Глэдис потребовала, чтобы перед уходом на вокзал все вымылись, и

дети с энтузиазмом бросились к фонтану, стоявшему посреди двора: давно уже Глэдис не замечала у них такого бурного прилива энергии.

И вот все они стоят на платформе, выстроившись в три ровных ряда. Вдруг послышались какие-то странные звуки, и разговоры сразу же прекратились. Шум нарастал и, наконец, появился поезд. Когда дети увидели пышущую дымом трубу и услышали грохот колес по рельсам, им показалось, что перед ними - самый большой в мире дракон.

А тем временем поезд с грохотом приближался, издавая пронзительные гудки. Дети стали кричать от ужаса, и через несколько секунд от трех ровных рядов ничего не осталось: все разбежалось в разные стороны, и платформа опустела. Пришлось потратить полчаса, чтобы снова собрать их. Даже их любимая Ай-вай-де не могла убедить детей возвратиться на платформу: они прятались за грудами товаров или в здании вокзала, а группа восьмилетних мальчиков убежала в храм.

Наконец, всех удалось собрать и втолкнуть в поезд. Вагоны напоминали большие деревянные ящики, в них не было даже сидений. Но для детей это было самое увлекательное путешествие в их жизни! Четверо суток поезд медленно тащился по рельсам, часто останавливаясь, - казалось, без всякой причины и, наконец, окончательно остановился - впереди был взорван мост. Мандарин, приютивший их по другую сторону Желтой реки, оказался прав - дальше до города Сиань нужно было добираться пешком.

* * *

Военные, которые помогли им переправиться через реку, еще тогда заметили, что Глэдис серьезно больна, и посоветовали ей обратиться к армейскому доктору. Но она отказалась, сославшись на то, что чувствует себя нормально, так как хотела поскорее доставить детей к месту назначения. Старшие дети, и особенно Сулуан, были обеспокоены ее состоянием: изможденная и очень бледная, Глэдис могла без причины расплакаться, и видно было, что она держится из последних сил.

Глэдис и сама понимала, что вряд ли выдержит еще один четырехдневный переход через горы, но другого выхода не было, им пришлось идти. К счастью, на этот раз не нужно было переживать, что их обнаружат японцы. Дорога была нелегкой: не раз тропа обрывалась, и приходилось тратить много времени и сил, чтобы снова разыскать ее. Ночи были очень холодными.

Хотя они и проехали часть пути в поезде, силы детей не восстановились полностью: крайне истощенные, они быстро уставали. А однажды все они вместе с Глэдис сидели и плакали до тех пор, пока не иссякли слезы. В ту ночь дрожащей от холода Глэдис было одно желание - умереть. И только благодаря уверенности, что Бог пошлет силы и поможет дойти до цели, она поднялась и пошла дальше.

Наконец, четыре дня скитаний по горам подошли к концу. Снова перед ними расстилалась долина, а в предгорье уютно расположился город Тунг-Кван. Появление группы из ста детей несколько не удивило местных жителей: через их город прошли тысячи беженцев. Несмотря на то, что пищевые запасы были ограничены, добрые китайцы готовы были урезать свои дневные порции, чтобы хоть как-то помочь детям.

* * *

До города Сиань по-прежнему было далеко, не один день ходьбы. И тогда снова на помощь пришел местный мандарин. Уложив младших детей в заброшенном храме, а старших оставив без ответа на их вопрос, когда же они, наконец, доберутся в Сиань, Глэдис пошла к мандарину.

- Да, пассажирские поезда давно уже не ходят, - сказал ей старый чиновник, - но есть еще один поезд.

- Что это за поезд?

- Это товарный поезд, на котором перевозят уголь в Хва-Чоу. В нем нет полок или сидений, и ехать в нем очень неудобно.

- А когда он уходит?

- Сегодня.

Мандарин вопросительно посмотрел на Глэдис, но она радостно кивнула.

- Я поговорю с машинистом, - пообещал он. - Станция всего лишь в пятидесяти метрах от храма, в котором спят дети.

Старшие дети помогли ей внести в поезд спящих малышей и положили их между грудами угля, следя за тем, чтобы при пробуждении они не испугались и не выпали из поезда. Всю ночь товарный поезд вез свой необычный груз. Проснувшись, малыши очень обрадовались, что снова едут в поезде. Вздвигнутые необычным путешествием дети забыли о пище, и не просили есть до самого Хва-Чоу, где они должны были пересестись на другой поезд.

Позже Глэдис не могла в точности припомнить, сколько времени они провели в центре для беженцев в Хва-Чоу. Ее мысли путались, временами Глэдис совсем не помнила, где находится, но она продолжала твердить: "Я должна доставить детей в Сиань! Я должна добраться туда!"

Главное, им больше не нужно было идти пешком: все они втиснулись в очередной поезд, и он медленно пополз по равнинам в направлении города Сиань. Остановки раздражали Глэдис, а когда поезд опять начинал двигаться, она снова и снова повторяла: "Мы почти доехали! Мы уже у цели!"

Наконец, путешествие, в самом деле, подошло к концу: они прибыли в старый китайский город, чем-то напоминавший Янченг, только намного больше. Он был окружен высокими толстыми стенами с огромными воротами, повсюду высились зеленые крыши многочисленных храмов.

Еще когда они в первый раз начали петь гимны в горах, чтоб не потерять мужества, Глэдис пообещала детям, что они с пением своего любимого гимна войдут в город, о котором так долго мечтали. И вот теперь наступил этот торжественный момент: отряд Глэдис подошел к воротам города.

Но ворота были заперты! Глэдис не могла поверить своим глазам: их не просто заперли, но и все подступы к ним были перекрыты. Ей кричали с городской стены: "Уходи, женщина, уходи отсюда! Город для вас закрыт! У нас и так уже больше беженцев, чем мы можем вместить! Уходите!"

10. Возвращение на родину

Страж, стоявший на городской стене, говорил правду: беженцев здесь больше не принимали. Но Бог опять послал помощь: в тот день несколько сотрудниц организации "Новая Жизнь", основанной в городе Сиань по инициативе мадам Чан Кай-ши для работы среди беженцев, наткнулись на группу крайне измученных детей, безутешно плакавших под стенами города. Их стали расспрашивать, кто они и откуда.

Глэдис, в свою очередь, также поинтересовалась, где находятся дети, раньше выехавшие из Цечоу. "Их переправили в Фунфенг, и они там прекрасно устроились. Вы тоже скоро будете там!" - успокаивали ее женщины. "Значит, нам не придется возвращаться назад?" - простодушно спросила одна маленькая девочка. Сотрудница "Новой Жизни" улыбнулась: "Снова возвращаться в Янченг? Нет, ни за что! Завтра вы на поезде уедете в Фунфенг, этот город открыт, и я обещаю, что там вам не придется стоять под городскими воротами".

Так и случилось: через день они уже были в Фунфенге, и их разместили в храмах и частных домах. Вместо лохмотьев им дали чистую одежду, ноги детей были вымыты, раны перевязаны. И хотя пища оказалась не совсем привычной для них - но зато ее было вдоволь! В этом же городе жили дети из Цечоу, но их рассказы ни в какое сравнение не шли с тем, что пережили их сверстники из

шумной семьи Ай-вай-де. В доме, где остановилась Глэдис, двери не закрывались: целый день к ней шли дети, чтобы рассказать новости, задать вопросы или просто поговорить.

* * *

Теперь, когда дети были в безопасности и имели все необходимое, в жизни самой Глэдис наступил кризис. Главные испытания остались позади: на ней не лежала больше ответственность за жизнь детей, не нужно было принимать экстренных решений, и Глэдис вдруг почувствовала себя совершенно обессиленной и страшно одинокой.

Глэдис никак не могла согласиться с тем, что она не просто страшно переутомилась, но серьезно больна, и только заботы о детях не позволяли ей свалиться во время пути. Но и эта проблема была вскоре разрешена. Случилось так, что две простые китайские женщины, свидетельствующие о Христе по домам на окраине города, пригласили Глэдис принять участие в их служении. Глэдис обрадовалась, что сможет быть чем-то полезной, и с готовностью дала согласие.

В первом же доме, где собралось несколько человек, Глэдис представили слушателям. Она поднялась, чтобы засвидетельствовать о Божьей любви, но не смогла произнести ни слова: какое-то мгновение она молча смотрела на небольшую группу женщин, потом все закружилось у нее перед глазами, и Глэдис упала на пол.

Придя в себя, она поняла, что находится в больнице, но долго не могла вспомнить, кто она и откуда. Больничный персонал также не располагал никакой информацией; знали только, что какой-то крестьянин привез ее на своей телеге. Больницу, в которую попала Глэдис, обслуживали доктора-миссионеры из Америки.

В бреду Глэдис вспоминала Янченг, мандарина, тюрьму, горы, японцев. Всякий раз, когда она упоминала о детях, медсестрам казалось, что их у нее десятки. А так как Глэдис говорила на одном из диалектов, то в госпитале вначале подумали, что она китаянка. Но потом, вдруг перейдя на английский, она заговорила о Лондоне.

Прошло много времени, прежде чем Глэдис выздоровела. Продолжительный переход через горы, постоянные волнения и недоедание, избиение в Чечоу - все это оставило свой след. Когда Глэдис начала выздоравливать и уже могла ходить, помогая медсестрам в уходе за больными, она редко упоминала о многочисленных приключениях, выпавших на ее долю.

После того, как Глэдис выписали из больницы, ей необходимо было решить, как жить дальше, чем теперь заняться. У нее не было денег, ей буквально не на что было жить. С тех пор, как она уехала из Лондона, Глэдис жила верой, просто воспринимая различные жизненные ситуации: с самого начала ей приходилось отстаивать свои позиции и перед мандарином, и перед крестьянами, среди которых она жила, и даже перед солдатами. Теперь же, когда главные опасности остались позади, ей не с чем было бороться, некуда направить свою энергию, и Глэдис со всей остротой вдруг почувствовала, как ей хочется домой!

Но как только миссионерка стала думать о "доме", она невольно рассмеялась: где же ее дом? Чтобы сблизиться с людьми, среди которых она жила все эти годы, Глэдис приняла китайское гражданство и давно уже не чувствовала себя англичанкой. А, кроме того, Англия была так далеко! Но даже если бы Глэдис и удалось собрать деньги на билет, то и тогда до небольшого домика на окраине Лондона нелегко было бы добраться, так как Англия была вовлечена в войну. И Глэдис пришла к выводу, что нужно поскорее найти себе применение здесь, где она может быть хоть чем-то полезной, и стала об этом усиленно молиться.

"Скажите, вы не согласились бы помочь нам в работе с беженцами?" - спросила у нее одна из работниц христианской организации "Новая жизнь". А еще через пару дней два молодых полицейских попросили: "Не могли бы вы давать нам уроки английского языка?" Услышав об этом, чиновник из ямена стал настойчиво предлагать: "Если уж вы беретесь учить полицейских то, безусловно, могли бы преподавать английский и нам в ямене!"

* * *

На любую просьбу у Глэдис был один ответ: "Да, конечно, я согласна!" Благодаря этим случайным заработкам, она в состоянии была прокормить себя, все свободное время, посвящая свидетельству о Христе. В этот период возникла новая опасность: две китайские армии, сражавшиеся против японцев, теперь, одержав победу над общим врагом, стали воевать между собой.

Армия, которой руководил генерал Чан Кай-ши, поддерживала христианские миссии и больницы, предоставляя христианам полную свободу. Другая армия была прокоммунистической, и поэтому все, связанное с христианством, принималось ими в штыки: они ненавидели иностранцев и особенно миссионеров. После того, как японцы были разбиты, к власти в Китае пришли коммунисты.

Глэдис теперь жила и работала в городе Чинг-Фу, на границе с Тибетом. Но началась гражданская война, власть захватили коммунисты, и миссионерка оказалась в очень затруднительном положении: ее могли посадить в тюрьму и приговорить к расстрелу, а бежать было некуда, так как все прилегающие к Чинг-Фу территории находились в руках коммунистов.

Наступило Рождество, и когда Глэдис пришла в церковь, ее встретила у входа группа молодежи. "Вам нужно бежать прямо сейчас! Коммунистам известно, что вы здесь, и если вас арестуют, то вы, вряд ли останетесь в живых!"

Когда за ней пришли разыскивавшие ее солдаты, Глэдис удалось незаметно покинуть город. Одетая так же, как все остальные местные жители, с безукоризненным произношением, она вполне сошла за китаянку, и у часовых не возникло никаких подозрений. С небольшой корзиной в руках, в которой была Библия, она снова шла через горы, держа путь в Чанкинг, откуда по реке Янцзы можно было добраться до побережья.

Но оказалось, что дойти до Чанкинга было не так просто: ей пришлось пробираться через горы, где местами совсем не было троп. Таким образом, Глэдис обошла стороной районы военных действий, и всякий раз успевала вовремя спрятаться от отрядов коммунистов, патрулировавших дороги.

Однако, достигнув Чанкинга, Глэдис узнала, что ее мечты добраться до побережья, были несбыточны. "Ты хочешь проехать вниз по реке? Это немыслимо, повсюду идут бои! - говорили ей друзья. - Никто не возьмется тебя довезти!" Глэдис сама понимала, что это так: ни один лодочник не согласился бы рисковать, пытаясь перевезти миссионерку.

Поселившись на новом месте, Глэдис взялась за труд, сосредоточив свое внимание на молодежи и на работе среди студентов, с которыми быстро нашла общий язык.

Как-то знакомая сообщила ей, что появилась возможность добраться до побережья.

- Вы нашли лодку? - взволнованно спросила Глэдис.

- Нет, что вы, по реке спуститься нельзя! Вам придется лететь, - услышала она.

- Мне? Лететь на самолете? - переспросила Глэдис. - Но я никогда в жизни не летала! Я боюсь!

После этого она вспомнила еще об одном препятствии:

- Билет, видимо, будет стоить баснословные деньги? Я не могу себе этого позволить!

- Вам не нужно переживать о деньгах, вот ваш билет - за него уже заплатили, - сказала подруга, передавая ей конверт.

- Заплатили за мой билет? Но кто же мог это сделать?

- Друзья, которые хотят вам помочь, - услышала она в ответ.

Позднее Глэдис узнала, что произошло. Везде, где бы ни появилась Ай-вай-де, молодежь всегда льнула к ней. Студенты, среди которых она работала, каким-то образом узнав о ее нужде, пошли на большую жертву: чтобы собрать нужную сумму, многим пришлось продать свою одежду или обувь, а некоторые даже продали свои учебники. Только двое из них пришли в аэропорт, чтобы попрощаться и проводить Глэдис, а остальные не смогли прийти, потому что им нечего было обуть.

* * *

Таким образом, благодаря любви и заботе молодых друзей, Глэдис добралась до Шанхая, прилетев из Чанкинга на самолете. Но где было взять деньги на билет из Шанхая в Лондон?

И снова Бог послал помощь самым неожиданным образом. Случилось так, что, когда она разговаривала на улице с группой американцев, мимо проходила женщина из провинции Шаньси. Узнав ее по одежде, характерной только для той области, Глэдис обратилась к женщине на ее родном диалекте. Американцы удивились: "Вы бывали в провинции Шаньси?"

Их следующий вопрос вызвал у нее улыбку: "Но тогда, может быть, вы встречали миссионерку, которая провела через горы в Фунфенг более ста детей? Ее зовут Ай-вай-де". Глэдис тихо ответила: "Это я". Американские миссионеры не могли поверить своим глазам:

- Но вы такая маленькая и хрупкая! Невозможно представить себе, чтоб вы могли взобраться хоть на одну гору! А тем более многие дни вести через горы большую группу детей! О, вас столько всего рассказывают! Сколько лет вы прожили в Китае?

- Семнадцать, - ответила Глэдис.

- О, так это же полжизни! А вам хотелось бы возвратиться домой?

- Я - китайская гражданка. Но сейчас, когда к власти пришли коммунисты, неизвестно, что со мной будет. И, безусловно, мне хотелось бы еще хоть раз увидеть Англию, родных и друзей, среди которых я выросла...

Затем, оборвав себя на полуслове, она решительно закончила: "Не стоит об этом даже говорить! Все равно у меня нет денег на дорогу: у меня, их никогда не было и похоже, никогда не будет!"

Итак, все началось с того короткого разговора с женщиной из провинции Шаньси. Глэдис ни за что не стала бы кого-то просить, чтоб ей выделили средства для поездки домой. Но в фонде, который находился в ведении американцев, оставалась сумма, предназначенная для репатриации миссионеров из других стран, а так как к тому времени все миссионеры, пожелавшие оставить Китай, уже выехали, то сумма осталась неиспользованной. "Мы вправе употребить эти средства в данном случае!" - сказал распорядитель фонда своей жене.

Шел 1950 год и, наконец, наступил день, когда доброжелательные американцы посадили ее в самолет, летевший в Англию! В старомодном платье, с китайской Библией в руках, Ай-вай-де, наконец, возвратилась в свой родной дом в Эдмонтоне после почти двадцати лет жизни и служения в Китае.

11. На острове Тайвань

Благодаря небольшой заметке о Глэдис в газете, ее разыскал журналист из Би-Би-Си. Но Глэдис стала уверять его, что в ее жизни не было никаких необычных происшествий. "Правда, однажды я провела через горы более ста детей" - сказала она. "Пожалуйста, расскажите мне об этом", - попросил ее сотрудник Би-Би-Си Алан Бургесс.

В результате этого интервью история жизни Глэдис Айлвард попала в серию радиопрограмм под названием "Непобежденные", и имя Глэдис стало известно миллионам радиослушателей. Позднее Алан Бургесс рассказал о ее жизни в Китае в своей книге "Маленькая женщина", ставшей доступной десяткам тысяч читателей. По этой книге был поставлен фильм. Глэдис засыпали приглашениями: ее просили выступить с лекциями, больше рассказать о своей работе. "Маленькая женщина" была очень удивлена, что неожиданно стала знаменитостью.

Безусловно, она продолжала поддерживать контакты с детьми, которых вывела из Янченга. Кроме того, Глэдис, как только могла, старалась помочь китайцам, переселившимся в Англию, и особенно студентам, приехавшим учиться в Лондон из Сингапура или Гонконга. А также при ее участии в Ливерпуле была открыта гостиница для китайских моряков, нуждавшихся во временном приюте.

В подобных занятиях прошел какой-то период времени, а затем снова наступил день, когда Глэдис услышала голос Божий, - как и много лет назад, когда Господь призвал в Китай маленькую лондонскую горничную. В ее сознании прозвучал призыв: "Тайвань! Ты должна поехать на остров Тайвань!"

К тому времени японцы были изгнаны из Китая, и власть в стране захватили коммунисты. Сотни тысяч, а затем и миллионы китайцев, для которых коммунистическая идеология была неприемлема, бежали из своей страны и поселялись в Гонконге или Сингапуре, а также на большом китайском острове Тайвань. На этом острове, находящемся на небольшом расстоянии от материка, генерал Чан Кай-ши учредил национальное антикоммунистическое правительство. Миссионеры, изгнанные из Китая, переселились на Тайвань.

* * *

Глэдис была убеждена, что Бог снова призывает ее на Восток, к китайскому народу, который был бесконечно дорог ее сердцу. Без колебаний она переселилась на остров Тайвань, радуясь, что снова может заниматься миссионерским трудом. И затем на протяжении многих лет, за исключением редких поездок в Англию, предпринимаемых, чтобы рассказать в церквях о своей работе среди китайцев, Глэдис постоянно жила на острове Тайвань. Работая в основном среди сирот в основанном ею приюте, она опять стала "мамой" в большой семье, которая постоянно пополнялась новичками. Мало кто называл Глэдис госпожой Айлвард, предпочитая имя Ай-вай-де, данное ей когда-то мандарином и так точно характеризовавшее ее жизнь.

Часто приходили письма от детей из ее старой большой семьи. Большинство из них уже были взрослыми, многие получили образование и стали учителями, врачами или служащими. Девятьпенсов вышла замуж и имела свою семью. Мальчик Лесс - второй ребенок, усыновленный ею в Янченге, которого привела на постоянный двор Девятьпенсов, был расстрелян коммунистами. Один из мальчиков стал рукоположенным служителем в Гонконге. Многих она встретила, когда приехала на Тайвань, другие переселились туда позже для воссоединения с семьями.

Глэдис Айлвард поселилась в городе Тайпех и снова растила детей, от которых все отказались. Но только теперь это был уже не постоянный двор, а приют имени Глэдис Айлвард. Благодаря тому, что в Англии многие поддерживали ее работу, вопрос о средствах на содержание приюта перестал быть острой проблемой. Однако, как в любой миссионерской работе, нужд всегда было гораздо больше, чем сил, времени и средств. Главными помощниками в работе приюта стали Джон и Полина, бывшие воспитанники большой семьи Глэдис.

Редко выпадала неделя, в течение которой не повторялась бы ситуация, до боли знакомая Глэдис на протяжении многих лет. К ней прибегали с сообщением: "Ай-вай-де! Какой-то мужчина хочет продать двух детей!", или: "Ночью у нас под дверью бросили еще одного младенца!" Ей сообщали: "Женщина оставила своего ребенка на циновке и ушла. Она сказала, что не сможет вырастить его, потому что у нее нет денег!"

Пока силы не оставили Глэдис Айлвард, к ней несли детей. И до тех пор, пока она в силах была говорить, люди без устали готовы были слушать замечательные рассказы о том, как чудно Бог помогает всем, уповающим на Него. Разыскать Глэдис на острове Тайвань, в городе Тайпех, было довольно просто: увидев небольшого роста женщину в окружении детей, всякий вряд ли ошибся бы, сказав: "Да это же Ай-вай-де!"

4 января 1970 года, в возрасте 66 лет, Глэдис Айлвард умерла на острове Тайвань, до последнего дня трудясь в основанном ею детском приюте.